

А.И. Белов

**Воспоминания
маршала
войск связи**

А.И. Белов

Воспоминания
маршала
ВОЙСК СВЯЗИ

Москва
2000

Воспоминания маршала войск связи.

А.И. Белов, маршал войск связи.

Сост.: ЗАО «Издания Максимова», 2000 г. — 136 с.

Издание подготовлено ЗАО «КОМЕТ Telecommunications» и ЗАО «Издания Максимова» и издано за счёт спонсорских средств, предоставленных компаниями и физическими лицами:

- ОАО «Вымпелком»
- ЗАО «Компания «МТУ-Информ»
- ЗАО «Лукойл-информ»
- ЗАО «Макомнёт»
- АО «МГТС»
- ОАО «Московская Сотовая связь»
- «Московский телепорт»
- ООО «ОКТОД»
- Романовский А.П.
- ОАО «Ростелеком»
- ОАО «Совинтел»
- ЗАО «Телмос»
- Эндрю Интернэшнл Корпорейшн
- ЗАО «Межрегиональный Транзит-Телеком»

Книга воспоминаний маршала войск связи А. И. Белова — интересный рассказ о пройденном жизненном пути, об огромной организаторской деятельности по развитию и совершенствованию материальной основы системы управления Вооружёнными Силами — военной связи и средств автоматизации.

Воспоминания раскрывают многогранную деятельность А.И. Белова во всех периодах его военной службы и представляют большом интерес не только для многих поколений военных связистов, но и для широкого круга читателей.

ISBN 5-93795-002-X

ЗАО «Издания Максимова» 2000

ЛП № 90159 от 19 сентября 1996 г.

Отпечатано и переплетено ОАО «Светоч», Санкт-Петербург

К читателям

Эта книга – мои личные воспоминания и размышления о пройденном жизненном пути. В ряде случаев они не претендуют на абсолютную точность, хотя я и пользовался документальными источниками. Тем не менее, мне бы очень хотелось, чтобы часть воспоминаний, связанная с моим военным опытом и работой сначала в Ракетных войсках, а затем в Министерстве обороны и Генеральном штабе, оказалась полезной для тех, от кого сейчас зависят благополучие и безопасность нашей страны, и в частности тех, кто решает важнейшие и насущнейшие задачи по управлению Вооружёнными Силами и организации связи. Что касается моих личных воспоминаний, то, надеюсь, они чем-то вас взволнуют, в чём-то помогут, особенно, если вам доведётся стать перед сложным жизненным выбором а чем-то и позабавят. Я выражаю мою искреннюю признательность компании «Комет» и лично А.А. Иванову и О.И. Фаербергу за то, что они, с неизменным вниманием относясь к вопросам военной связи, сделали издание моей книги возможным. Я хотел бы посвятить её памяти моих коллег и товарищей, пожертвовавших своей жизнью ради нашего общего дела в годы войны и послевоенное время, а также памяти моей дорогой супруги Нины Григорьевны Кошелёвой.

Маршал войск связи
А. И. Белов.
Февраль 2000 г.

Юность. СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА

Я родился в городе Пскове в августе 1917 года. Что касается даты, то здесь полной ясности нет. Моя мать утверждала, что произвела меня на свет 27-го числа по новому стилю, а в моём личном деле почему-то стоит 19-е. Видимо, писарь неправильно пересчитал со старого стиля на новый, и в результате я дважды праздную день рождения: 19-е отмечаю с друзьями и соратниками как официальную дату, а 27-е провожу в домашнем кругу.

Раннее детство моё пришлось на беспокойное время. В 1919 году на Псков наступала армия генерала Юденича, под городом орудовали различные бандформирования. Кстати, под Псковом зародилась Красная Армия, что для меня очень важно, если учесть, как в дальнейшем развивалась моя судьба.

Отца своего, служащего псковского банка, я почти не помню. Мой покойный дед, купец и предприниматель, был богатейшим человеком в Псковской губернии. Нашей семье принадлежало 8 домов в городе, различные мастерские и магазины. Поэтому, когда прошёл слух, что к Пскову подходит банда Булата Балаховича, чинившего разбой под прикрытием революционных лозунгов, товарищи уговорили отца бежать. В противном случае его бы расстреляли или повесили. С тех пор отца больше никто не видел. Знакомые говорили, что он заболел сыпным тифом и умер. И я даже не знаю, где его могила и существует ли она вообще.

Всё, что у меня осталось в памяти об отце, так это два крошечных эпизода... Мы с родителями в спальне. Я совсем маленький – года два от силы. С одной стороны стоит папа, с другой – мама. И вот я бегаю от одного к другому... Они меня ловят, а я смеюсь и выскальзываю у них из рук. Вот только лиц я их совсем не помню.

И второй эпизод. Я уже чуть постарше. Мы сидим все вместе за столом на втором этаже нашего дома и едим утку. Вдруг раздаётся грохот, и в углу комнаты появляется огромная дыра. В это время город обстреливала армия Юденича, и очередной снаряд залетел к нам. Родители переглянулись, и мы продолжили обедать...

Воспитали меня мама и бабушка. Моя мать, Антонина Вячеславовна, перед первой мировой войной закончила петербургские Бестужевские курсы медсестёр. Но она вышла замуж, и на войну её не взяли. Зато на фронт отправилась её младшая сестра Мария, также бестужевка. В то время у неё были романтические отношения с поручиком царской армии, и он был ярым противником её участия в боевых действиях. Наверное, очень любил. Как бы то ни было, у этой истории трагический конец. На стоянке в Санкт-Петербурге молодой человек проник на санитарный поезд, в котором находилась моя тётя и застрелил её, а потом застрелился сам. Моя мать осталась единственным ребёнком в семье. Она всю жизнь проработала медсестрой и, как бы тяжело ей ни было, никогда не сетовала на судьбу.

Вскоре после исчезновения моего отца к власти в Пскове пришли большевики. Не разобравшись, что к чему в общей революционной суматохе, они посадили маму в тюрьму как «буржуйку». А мы с сестрой остались на шее у бабушки-акушерки Марии Семёновны Скрипиной. Потом недоразумение прояснилось, и маму через 8 месяцев выпустили. Жизнь постепенно начала входить в обычную колею.

Я пошёл в псковскую среднюю школу. Наши педагоги были старой гимназической закалки. Некоторых из них я

помню очень хорошо, например, математика Липунова – строгого, объективного и очень знающего человека. Он приучил меня мыслить логически и рационально. Благодаря ему я начал проявлять интерес к точным наукам.

Учился я неплохо, в основном на «четвёрки». Правда, страшно не любил химию и немецкий язык. Мама взяла мне педагога, и язык я подтянул. Во время Великой Отечественной войны это мне очень пригодилось: в танковой бригаде не было переводчика, и я был единственным, кто мог худо-бедно допросить немецких военнопленных.

Также в школьные годы я приобщился к искусству. Полюбил серьёзную музыку – Бетховена, Чайковского, Мусоргского, произведения которых с удовольствием слушаю и по сей день, начал разбираться в драме – особенно по душе мне была пьеса Грибоедова «Горе от ума», посещать оперу и оперетту. Каждый год к нам приезжали на гастроли ленинградские артисты. Я уже в юные годы получал огромное наслаждение от «Аиды» и «Травиаты» Верди, «Кармен» Бизе. Тогда же зародилась моя страсть к оперетте, в меньшей степени к классической (Оффенбах, Штраус), и в большей – к современной (Дунаевский, Легар, Стрельников). Я ценил в ней огромный запас жизненной энергии, веселья и общей позитивности. За это же мне в детстве нравились книги Майн Рида, Жюль Верна, Фени-мора Купера, фильмы с участием Гарольда Ллойда, Чарли Чаплина. Наверное, именно тогда я поверил в то, что целеустремлённость, уверенность в собственных силах, умение позитивно мыслить и верить в успех могут свернуть горы. По той же причине мне гораздо меньше нравились пьесы Островского, Чехова, других драматургов, на которые меня часто водили в детстве. Несмотря на то, что меня завораживала игра актёров, я усматривал в этих пьесах то, что сейчас могу назвать элементом «квазипсихологичности». Кроме того, действие мне представлялось чересчур статичным. Очевидно, я по натуре жизнелюб и не склонен к излишней рефлексии...

Сейчас, общаясь с молодыми солдатами, я невольно прихожу к выводу, что раньше, когда в стране царили разруха и голод, общество как-то серьёзнее относилось к проблеме образования, как специального, так и общегуманитарного. В частности, меня настораживает то, что многие молодые солдаты – выпускники московских школ – не могут внятно сказать, сколько на Земле континентов, на каком они сами живут, что за горный хребет отделяет Европу от Азии, не говоря уже о том, где находится Берингов пролив. Им не известны многие факты из мировой и русской истории. Они не читают книг. Словом, молодые люди не владеют минимальным багажом знаний, необходимых каждому культурному человеку. Мне кажется, что заниматься саморазвитием и чем-то увлекаться необходимо, иначе становится просто неинтересно жить.

Я, например, ещё в подростковом возрасте «заболел» радиотехникой. Сам себе сделал примитивный телевизор – механический, с диском Нипкова (крутящийся жестяной диск с дырочками по спирали и вместо экрана – линза, полная дистиллированной воды). Изображение было туманное, хлипкое, но всё-таки изображение. А ещё я собирал приёмники, делал антенны...

С этим моим пристрастием связан один забавный случай. Мы тогда жили в общей квартире вместе с одной большой еврейской семьёй. Кстати, волею судеб квартира находилась в семизэтажном доме, который раньше принадлежал моему деду... Жили мы очень дружно, никогда не ссорились. Я как сейчас помню тётю Цилю – нашу соседку. Она очень вкусно готовила и учила мою маму печь пирожки. И вот однажды я решил созорничать. Приделал к своему ламповому радиоприёмнику микрофон, усилитель и громкоговоритель и басом произнёс: «Внимание, граждане Советского Союза... На нас напала Германия... Объявлена всеобщая мобилизация и началась война». Тётя Циля страшно испугалась и заголосила. А я выждал театральную паузу и добавил: «Это была шутка». Мне в 1933 году

это показалось очень смешным. Хотя от мамы здорово влетело.

Позднее моё увлечение радиodelом переросло в нечто большее. Я решил, что обязательно стану инженером-радиистом. Тогда это было очень популярно среди молодёжи. В 1935 году я окончил среднюю школу и поехал в Ленинград поступать в институт. В какой точно – я ещё тогда не решил. Я подал заявление в Ленинградский электротехнический институт имени Ленина, на радиотехнический факультет, в Индустриальный институт и в Институт связи имени Бонч-Бруевича, и начал сдавать экзамены сразу в три места. Сначала я был настроен оптимистично, но вскоре понял, что ничего из моей затеи не выйдет, потому что экзамены совпадали по дням, а тематика у них была разная. Почему я сразу об этом не подумал, не знаю... Юношеская самонадеянность, очевидно, подвела. В результате я решил остановиться на институте связи, успешно сдал туда экзамены и поступил.

Во время учёбы я жил в общежитии. Денег не хватало, так как стипендия была мизерной. Мать работала медсестрой, а бабушка – акушеркой, день и ночь. Они умудрялись посылать мне раз в два месяца по тридцать рублей. Я, как джентльмен, отдавал их своей сестре, которая годом позже поступила в Ленинградский институт точной механики и оптики, а сам подрабатывал, разгружая картофель и песок. Но это было не прибыльно, хлопотно и тяжело, поэтому я придумал следующее: днём ходишь и ищешь опрятный подъезд. Если никого рядом нет, раз туда и вывернул лампочку. А вечером надеваешь спецовку, перекидываешь через плечо сумку с инструментами и моток провода и идёшь на место преступления. В подъезде темно. Около него мечется дворник, солидный, с бляхой. Он к тебе: «Ты монтёр? Света нет! Сделай, а?» А ты ему в ответ: «Монтёр-то, монтёр, да ведь я на работу иду». Ну потом, конечно, нехотя соглашаешься, с полчаса для вида ходишь по квартирам и подъезду, проводку проверяешь. Когда надоест,

ввинчиваешь лампочку. Счастливые жильцы тащат пять рублей и рассыпаются в благодарностях. А ещё можно было пробку слегка выкрутить, а дальше по тому же сценарию... Так я и промышлял. Не в одном доме, конечно: Ленинград – город большой, домов много. Жульничество? Несомненно! Ну, что со студентов возьмёшь?

После окончания третьего курса у нас была военная подготовка в лагере в Красном Селе. Это была настоящая солдатская служба. И она совсем меня не угнетала. Наоборот, я сразу почувствовал, что нашёл себя. Мне нравилось стрелять, ходить в строю. Но, главное, было даже не это. Меня очень привлекли армейские дисциплина и порядок, а ещё справедливость командиров. Если ты виноват, тебя накажут. Если достойно себя ведёшь, – поблагодарят и дадут увольнение. Если у тебя случилось несчастье – позаботятся и поддержат. Я усматривал в этом неоспоримую жизненную логику.

У нас был старшина по фамилии Мурзак. Пожилой, с огромными усами, почти неграмотный. Он нас собирал и учил жизни: как праведно жить и служить своему отечеству. Говорил он коряво, но просто и доступно. Это была не одна беседа и не две. Часами он рассказывал нам, как отличить белое от чёрного, плохое от хорошего, как оценить человека по его поступкам. Сначала мы, учёные студенты, вполуха слушали и хихикали над его ошибками. А потом что-то в нас перевернулось, и многие из нас начали всерьёз задумываться над его словами. У меня лично впервые возникло желание посвятить свою жизнь армейской службе. Для меня начали обретать смысл и ценность такие понятия, как «честь офицера», «долг перед Родиной»... Наверное, тогда были другие времена. У нас чувство патриотизма было в крови. Мы чтили имена героев гражданской войны... Хотя это, наверное, и звучит напыщенно, мы тогда чувствовали себя частью единого народа, перед которым стоит светлая цель – счастье родной Отчизны. И в этом была наша радость и сила. Нынешнее поколение

этого, к сожалению, лишено. По крупному счёту оно живёт без нравственного ориентира. Кто в этом виноват? Обычно люди боятся называть эти имена, хотя они известны... Я не упёртый коммунист. В прошлые времена было много ошибок, страшных ошибок. Но всё-таки у нас было ещё и то, чего сейчас у русского народа нет. Когда вы в последний раз слышали, чтобы люди рядом с вами с гордостью произносили слова «Родина», «Отечество», «Отчизна», «Патриотизм»? К сожалению, на сегодняшний день – это официально забытые понятия.

Однажды к нам в лагерь приехали представители Военной академии связи им. С.М. Будённого. Туда проводился дополнительный набор, так как развитие и организация военной связи на том этапе, когда наша страна противостояла всему миру, рассматривалось как приоритетное направление.

В древности управление войсками на поле боя осуществлялось с помощью голоса и других звуковых и визуальных сигналов. Позднее для тех же целей использовались ординарцы – конные и пешие связные, военная почта, звуковые и световые сигналы. Таким образом командиры передавали приказы, распоряжения, получали донесения. Но с помощью этих простых средств можно было управлять войсками лишь до тех пор, пока боевые действия развёртывались на небольших участках и площадях, как правило, на открытой местности, когда военачальники могли лично наблюдать за полем боя. Уже в конце 19-го – начале 20-го века появились телеграф и телефон, а 25 апреля (7 мая) 1895 года русский учёный А.С. Попов сообщил о сделанном им великом открытии – радио – беспроводной связи, незаменимой в частности для мобильного управления кораблями, воинскими частями, размещёнными на больших площадях и находящимся вне поля зрения командира.

Я хотел бы сказать пару слов о Попове и его детище. Мне кажется это очень важным. До сих пор, даже после

празднования его столетнего юбилея, иногда возникают разговоры о том, что на самом деле радио изобрёл не он. Во время работы в Генштабе, желая поставить точки над I, и доказать, что родина радио – Россия, я всерьёз занялся этой проблемой. От общества имени А.С Попова мы направили специалистов в Англию и Италию, где они тщательно поработали с документами. В конце концов мы установили, что действительно радио изобрёл Попов. Однако в промышленно отсталой царской России не сумели оценить должным образом великого открытия и использовать его на благо общества. Единственным резонансом были публикации в вестнике российского физико-химического общества и в некоторых газетах. Эти статьи прочёл молодой, увлечённый техникой итальянец из Милана по фамилии Маркони, который, несмотря на отсутствие технического образования, живенько собрал по схеме прибор и, убедившись, что он работает, подал в Англии заявку на получение патента. Вскоре англичане открыли под его именем фирму и приступили к промышленному выпуску устройств для передачи и приёма сигналов. Что касается России, то ей пришлось закупать во время русско-японской войны 1905 года радиостанции у англичан. Поистине, нет пророка в своём отечестве.

Первые части связи Красной Армии возникли в 1918 году, почти сразу после её создания. С тех пор, постоянно находясь перед угрозой войны, руководство страны неустанно их укрепляло. Мы попали на очередной виток повышения государственного интереса к развитию военной связи и её научно-технического потенциала.

Итак, мы с тремя приятелями после окончания третьего курса радиофакультета института связи подали заявление в академию. Но несмотря на то, что мы имели солидную подготовку по математике, физике, механике и прочим дисциплинам, нас зачислили снова на третий курс. Я не очень смирился с потерей года и обратился к начальству с просьбой показать мне программы занятий третьего

и четвёртого курсов, чтобы выяснить, что же я не доработал. Оказалось, что нужно сдать ещё два предмета. Говорят, что студент за время подготовки к экзаменам может китайский язык выучить. Это, наверное, правда, потому что я освоил материал за две недели, успешно сдал экзамены, и меня зачислили на четвёртый курс академии. Так я впервые надел военную – курсантскую – форму с буквой «А» на петличке (погон тогда ещё в Красной Армии не было).

Я попал в хорошую группу, где был очень сильный преподавательский состав. Нам довелось слушать лекции очень крупных учёных – основателей научных течений. Среди них были академик А.И. Берг, профессор И.М. Изюмов, изобретатель первого советского миноискателя доктор И. Кисунько, написавший труд «Электродинамика полых систем», лёгший в основу создания нашей противоракетной оборонительной системы. Наши жизненные пути в дальнейшем ещё не раз пересекались: Изюмов был членом научно-технического комитета при Генеральном штабе и курировал вопросы, связанные с радиосвязью и радиолокацией, а Кисунько продолжал заниматься разработкой систем раннего обнаружения и противоздушной обороны.

Многие мои сокурсники также стали в дальнейшем видными специалистами в области обороны страны и заняли высокие посты в Вооружённых Силах. Особенно мне хочется выделить Н.Н. Алексева, старосту нашей группы, который впоследствии возглавил научно-технический комитет Генерального штаба, а после его расформирования был назначен заместителем Министра обороны по вооружению. Это был хороший, талантливый, ответственный, интеллигентный человек, великолепно разбиравшийся в своём деле, хороший товарищ. Однако ему не хватило его талантов для того, чтобы противостоять элементарной непорядочности, которую я склонен рассматривать как личное качество конкретных людей, а не характеристику

всей системы в целом. Когда пост Министра обороны занял Д.Ф. Устинов, он положил в основу своей деятельности принцип клановости, который для армии был несвойственен. Я, наверное, идеалист, и мне больше по душе те отношения, которые складываются между людьми в полевых условиях, нежели административные распри. Как бы то ни было, позиция Устинова мне всегда казалась малосимпатичной, и я неоднократно вступал с ним в конфликт, но об этом я скажу немного позже. Одним словом, Устинов решил избавиться от Алексеева, заменив его своим человеком – В.М. Шабановым, тоже, кстати, знающим специалистом. Устинов начал интриговать, засылать и устраивать в подчинённых Алексееву институты проверки, не ставя заместителя в известность. Алексеева всё это больно ранило. Как-то раз, когда мы вместе обедали в столовой Министра обороны, нам сообщили, что Алексеева желает видеть Устинов. И тут я заметил, как у Алексеева сошла краска с лица, начали трястись руки... Я сказал ему: «Плюнь - всё обойдётся», но при этом про себя подумал, что так он долго не протянет. Действительно спустя некоторое время Алексеев, дождавшись, когда жена уйдёт из дома, лёг в тёплую ванну и вскрыл себе вены. Конечно, о самоубийстве никто тогда не говорил... Так нелепо закончилась карьера высокопорядочного, талантливого человека, моего близкого товарища и однокурсника.

Два года в академии пролетели почти незаметно. Когда я в 1939 г. заканчивал пятый курс и уже приступил к написанию дипломного проекта, началась Советско-финляндская война. Несмотря на то, что силы у финнов были небольшие, они пользовались ими рационально и умело: оснащение, вооружение и тактика финской армии были хорошо приспособлены к ведению боевых действий в условиях суровой зимы, на местности с многочисленными озёрами и густыми лесами. Кроме того, финны на отдельных направлениях (главным образом на Выборгском) активно применяли мины. Наши танки и пехота постоянно на них

подрывались, а обнаружить их заранее не могли. Сапёрным щупом всю землю не обшаришь. К нам в академию обратились представители командования в поисках добровольцев-курсантов, которых разослали во все армии внедрять разработанный в академии миноискатель. Он представлял собой достаточно простой прибор, внешне напоминающий косу – ручка и кольцо-антенна. Кольцом вдоль земли как косою проходишь: если звук в наушнике изменится, то, значит, здесь есть металл.

Я был в числе добровольцев. В декабре 1939 года меня командировали в 8-ю армию, на Петрозаводское направление. Самые тяжёлые бои шли на Карельском перешейке, Выборгском направлении. У нас было более спокойно, хотя война есть война. Мы страдали от сильнейших сорокоградусных морозов и пуль финских снайперов, которые маскировались на деревьях и меткими выстрелами выводили из строя наших воинов.

Моё первое впечатление от войны было несколько необычным. Мы вошли в маленький финский городок Суо-ярви – весь из дерева, очень аккуратный и чистенький. Домики хорошенькие, как на картинке. Не избы рубленые, а произведения искусства: резьба, шторы из картона... Кладовые забиты продуктами. Вот только людей не было – все ушли, одна бабка дряхлая осталась, ходила на лыжах. Мы квартировали там какое-то время, пополняли свой скудный солдатский рацион финскими запасами – топлёным салом и клюквой. Такая вот «тихая» война.

Позже меня прикомандировали к стрелковому полку. Нас отправили в глубокий рейд на 100 – 120 километров в тыл обороны противника. На тот момент я уже исполнял обязанности помощника начальника связи и отвечал за исправную работу мощной по тем временам коротковолновой радиостанции, обеспечивая бесперебойную связь со штабом армии в Петрозаводске.

Во время этого похода я понял, что человек способен выжить в любых условиях, приспособиться к каким угодно

обстоятельствам. Например, тогда я впервые увидел, как люди спят на ходу. Солдаты в валенках тащат по бездорожью пушкунорокаптку дулом назад, а отдыхающая смена в обнимку со стволом механически передвигает ноги и храпит. Из-за тяжести орудия – не падают, сохраняют равновесие. Мне пришлось научиться спать под снегом: выроешь нору, обложишься лапником, закроешь отверстие снегом – и тебе тепло. Или, бывало, спали мы вокруг костра. Ляжем кольцом, прижавшись спиной к груди того, кто сзади. Сначала один бок греешь, а потом по команде поворачиваешься к костру другим боком... Вот такие маленькие хитрости, сохраняющие жизнь.

А ещё я до сих пор не могу без содрогания смотреть на шпроты. По какой-то неведомой причине нас кормили только ими, ни хлеба к ним не было, ни соли – ничего. Мы варили их в талой воде.

После похода в тыл мы вернулись в Суоярви, и там состоялась моя первая встреча с человеком, который, с моей точки зрения, сыграл одну из самых неприглядных ролей во время Великой Отечественной войны. Это был комиссар Л.З. Мехлис. У меня до сих пор сохранились о нём самые неприятные воспоминания. Он был из породы таких комиссаров, которые сами не воюют, а в основном пишут доносы на командиров и грозят по каждому поводу расстрелом. Откуда они брались, не знаю. Тем не менее, именно из-за таких, как Мехлис, в армии комиссаров часто недолюбливали и старались обходить стороной. У меня тогда, в 1940 году, сломалась радиостанция. Мехлис меня вызвал к себе и сказал, что самолично расстреляет меня, если к утру поломка не будет устранена. Я тогда ответил «есть» и ушёл, но что-то мне в выражении лица Мехлиса не понравилось (дело было даже не в том, что меня напугало слово «расстрел»), что я сразу же вспомнил его, когда увидел в следующий раз. Но об этом позже.

Эта война была моим первым боевым крещением, хотя по настоящему я впервые понюхал пороху в Крыму,

во время Великой Отечественной войны. Но очень важный боевой и строевой опыт за то время, пока мои однокурсники писали диплом, я приобрёл.

В частности, я пришёл к твёрдому убеждению, что дисциплина в армии – это вопрос первостепенной важности. Во время моей учёбы в академии армия жила по уставу, учреждённому наркомом обороны К.Е. Ворошиловым. По-видимому, Ворошилов решил использовать у нас опыт китайской народно-освободительной армии, в которой в то время активно практиковалась так называемая демократия. Это означало, что ни один приказ командира не мог считаться утверждённым, если он предварительно не обсуждался на общем собрании. Если солдаты считали, что приказ «преступный» (а «преступным» можно было считать любой приказ!), то комиссар не ставил на нём свою подпись, и его было можно не выполнять. Более того, военный служащий имел в принципе право решать, каким приказам ему следовать, а каким нет. Я думаю, излишне говорить о том, как пагубно это сказывалось на боеспособности наших войск. К счастью, перед самым началом финской войны наркомом обороны стал Маршал Советского Союза Тимошенко, который уже хлебнул горя с армейской демократией. Первое, что он сделал, это переиздал Устав и ввёл в армии единоначалие, которое действует в ней и по сей день.

Таким образом, мне самому не довелось участвовать в собраниях. Однако я в достаточной мере столкнулся с последствиями армейской демократии, чтобы проникнуться к ней искренним неприятием. Например, я отдаю солдату приказ, а он вразвалочку поворачивается и расхлябанной походкой удаляется. Меня сначала брала оторопь от такой наглости, а потом я и другие офицеры начали потихоньку солдат учить: заставляли их возвращаться, говорить «есть» и немедленно приступать к выполнению приказа. Вполне возможно, именно в тот момент у меня зародился интерес к системам управления Вооружёнными Силами,

которыми мне пришлось заняться вплотную во время моей последующей деятельности на войне, в Ракетных войсках и Генеральном штабе.

В апреле 1940 года нас добровольцев-выпускников вернули в академию. Поскольку на написание диплома уже не оставалось времени, мы сразу же приступили к сдаче госэкзаменов. Мне было присвоено звание военного техника 3 ранга, и я был откомандирован в Закавказский военный округ, в город Ленинакан, в 17-ю лёгкую танковую бригаду в качестве инженера по техническим средствам связи. Так начиналась моя длительная служба в нашей армии.

Иран

Начало войны 22 июня 1941 года застало меня в городе Ленинкане Армянской ССР, в санчасти 17-й лёгкой танковой бригады.

Сидя в кресле стоматолога, я услышал по радио обращение наркома иностранных дел В.М. Молотова, в котором он от имени Советского правительства объявил, что сегодня рано утром фашистская Германия вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз, атаковав наши границы на широком пространстве от Баренцева до Чёрного моря. В конце своей речи Вячеслав Михайлович сказал: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» Нечего и говорить, что мы были потрясены... Так началась Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии.

Для обеспечения безопасности южных рубежей нашей страны по договорённости с правительством Великобритании было решено ввести на территорию Северного Ирана наши войска, в то время как англичане вошли в Иран с юга. Дело в том, что Иран тогда находился под большим политическим и экономическим влиянием Германии, и его было необходимо нейтрализовать.

На базе нашей 17-й лёгкой танковой бригады была сформирована танковая дивизия в составе 54-й и 55-й бригад. Я был назначен инженером по техническим средствам связи дивизии. Нас передислоцировали в исходный район на станцию Казанчи, юго-западнее города Астара. Границу

мы пересекли без серьёзного сопротивления со стороны иранской армии, за исключением единичных вылазок отдельных войсковых групп, беспорядочно стрелявших по нашей колонне.

После нашего входа в Иран боевых действий там практически не было. Войска заняли назначенные им гарнизоны и несли патрульную службу.

Вскоре я заболел тропической малярией и недели три пролежал во французском госпитале Красного Креста в городе Мианэ. Во время болезни я не мог пить, что доставляло мне огромные мучения, и лишь смачивал губы водой. Вышел я из госпиталя совершенно обессиленным, похожим на скелет. Французские врачи буквально чудом поставили меня на ноги, за что я до сих пор испытываю к ним безграничную благодарность.

Перед тем, как направить нас в Иран, политработники провели с нами разъяснительную работу, о том, что Советская Армия не имеет захватнических планов, а выполняет освободительную миссию по избавлению иранского народа от немецкого засилья, которое проявлялось буквально во всём, начиная от продуктов питания, одежды и часов (продаваемых, кстати, на вес!) до вооружения. Нам было рекомендовано быть исключительно предупредительными с иранцами, не конфликтовать с ними, более того, оказывать посильную помощь. За все покупки, сделанные в магазинах, мы должны были сполна расплачиваться, в ресторанах не разрешалось шуметь и требовать быстрого обслуживания, на улицах – мусорить и нарушать общественный покой.

Однако очень скоро мы поняли, что такая линия поведения ни к чему хорошему не приведёт. Местное население истолковало нашу корректность на свой, арабский, манер, а именно – как проявление слабости. Впервые я осознал это, когда, прогуливаясь с двумя офицерами по центральной улице города Казвина – летней резиденции шаха – столкнулся лоб в лоб с двумя агрессивного вида

молодыми арабами. Мы уже было приготовились привычно улыбнуться и уступить им путь, как они, грубо отпихнув нас в сторону и ехидно усмехнувшись, проследовали дальше. Подобные случаи стали повторяться всё чаще и чаще. Нам то не продавали билеты в кинотеатр, то в банях совершенно случайно не оказывалось свободных мест, то перед нами захлопывалась дверь ресторана.

Нам это очень не понравилось. Вежливость вежливостью, однако, если на тебя нападают, нужно защищаться. Без каких-либо санкций со стороны начальства советские офицеры по собственному почину решили переломить сложившуюся ситуацию. Мы перестали уступать дорогу наглому виду молодым людям; если они шли напролом, отбрасывали их в сторону; при попытке оказать сопротивление, выхватывали оружие. Полиция, которая до сих пор закрывала глаза на хамство иранцев по отношению к советским военным, внезапно встала на нашу сторону. При малейшем намёке на конфликт полицейские хватили местных хулиганов и тащили их в участок. Постепенно положение начало выправляться... Однако у меня не было ощущения полной уверенности, что мы поступаем правильно.

Окончательно в моей голове всё встало на свои места, когда мы однажды отправились обедать в ничем не примечательный ресторан. Официант, предъявив нам длинный перечень блюд, заявил, что на данный момент ничего этого нет. Пока мы обдумывали, что предпринять, в ресторан ввалилась группа из пяти прикомандированных к нам британских офицеров. При виде знакомых лиц они очень обрадовались и пригласили нас подсесть к ним за большой, роскошно сервированный стол. Официант попробовал и им сказать, что есть нечего, но тут старший из англичан треснул кулаком по столу и потребовал метрдотеля. Тот не замедлил явиться, и, подобоострастно улыбаясь, заверил, что всё будет в порядке, пускай господа не волнуются. Уже через минуту стол был уставлен различными яствами, многих из которых даже не было в меню. Расплачиваясь, один

из англичан вынул из кармана целую кипу мятых разношёрстных банкнот, среди которых я разглядел и индийские рупии, и египетские фунты, и иранские туманы, и бросил их на стол. Не став ничего пересчитывать, хозяин, метрдотель и официант, широко улыбаясь, проводили нас до самых дверей и пригласили заглядывать почаще.

После этого случая мы честно усвоили следующее правило: никогда не уступай, когда к тебе применяют силу. Подобное поведение не имеет никакого отношения к благородству и великодушию. Тебя за это не только не будут уважать, но и сделают посмешищем. Проявление душевной щедрости следует оставить для слабых и побеждённых.

Кстати, в самые первые дни пребывания в Иране мне довелось стать свидетелем захватывающего дух зрелища. Я наблюдал, как насмерть схватились фаланга и скорпион -членистоногие, по капризу природы являющиеся заклятыми врагами. В результате скорпион был повержен... Быть может, это не совсем удачная параллель, но впоследствии эта картина не раз вставала у меня перед глазами во время столкновений с иранцами.

Будучи в Иране, мы много ездили, изучая военный театр. Посетили Тегеран, ещё целый ряд крупных и мелких городов. Во время одной из поездок, пересекая пустыню, из-за поломки машины мы были вынуждены остановиться у огороженного забором участка – небольшого оазиса с рощицей и спрятавшимся за деревьями домом. Это оказался научно-исследовательский центр французского отделения Красного Креста. Оттуда к нам навстречу вышел директор-француз, который, поняв, в чём дело, вызвал своего механика на помощь нашему шофёру и пригласил нас пообедать.

К нашему удивлению у него оказалась русская жена – дочь полковника царской армии, после революции бежавшего из России. Её радости от встречи с соотечественниками не было границ! Она расспрашивала нас про Петербург, про положение на фронтах, про шансы победить в этой страшной войне.

Несмотря на то, что в 1941 году Красная Армия терпела поражение за поражением, мы уверенно заявили своей собеседнице, что всё будет хорошо. И она нам поверила... Впоследствии меня жизнь неоднократно сталкивала с потомками русских эмигрантов, разбросанных по всему земному шару, и я каждый раз убеждался в том, что почти никто из них не забыл родной язык и свои корни, оставаясь патриотом России вдали от родины.

Когда наши задачи в Иране были выполнены, и руководство СССР убедилось в том, что эта страна не представляет собой серьёзной угрозы, нас откомандировали на родину для получения дальнейших указаний. Я уезжал одним из последних, так как мне было поручено завершить все дела дивизии.

Подчинённой мне группе из пяти человек были даны радиостанция и автобус, на котором мы добирались до границы. Мы ехали через прекрасную, залитую солнечными лучами гранатовую рощу, полную зрелых плодов, которые никто не срывал, и наслаждались последними мирными днями. По дороге мы прихватили барашка и зажарили его на костре. Мы ели его в автобусе, в товарном вагоне, в котором ехали вместе со своей радиостанцией по Азербайджану... Но в какой-то момент барашек в наших животах взбунтовался, и у нас у всех началось страшное расстройство желудка. Спас нас азербайджанский парикмахер на станции Ленкорань, заменявший местным жителям лекаря. Сначала нас испугал его внешний вид – весь заросший, в замызганном халате. Но поскольку терять нам было нечего, я, как старший, и вслед за мной все остальные, последовали его совету и выпили из грязного стакана зачерпнутой прямо из немытого ведра мутной воды, в которую он добавил пять капель йода. Как ни странно, через полчаса нам полегчало настолько, что мы вновь принялись за барашка... Всё-таки риск – благородное дело!

На этой оптимистической ноте я хотел бы закончить рассказ о своей иранской эпопее, а в ноябре нас отправили в Новороссийск.

Керченская операция

Я вернулся в Ленинанкан на место постоянной дислокации нашей дивизии. Её вновь переформировали в две бригады – 55-ю и 54-ю, и я стал начальником связи 55-й танковой бригады. Мы были в Ленинанкане всего несколько недель, после чего нас погрузили в эшелоны и отправили в Новороссийск. Нам предстояло принять участие в Керченской операции, целью которой было освобождение Крыма от немцев.

Когда мы прибыли в октябре 1942 года в Новороссийск, там дул сильнейший норд-ост, или так называемый «бора». Корабль, который должен был доставить бригаду на Керченский полуостров, не мог войти в бухту, и мы были вынуждены около пяти дней терпеливо ждать. Выйти на улицу было практически невозможно, из-за сильных порывов ветра мы передвигались от дома к дому, держась за протянутые между ними канаты. Более того, ветер «сдул» под откос два вагона с железнодорожного пути, ведущего к причалам! Делать нам было практически нечего, поэтому мы по картам готовились к операции и пили «Мускат», которого в Новороссийске было в изобилии – рядом находился комбинат «Абрау Дюрсо». С тех пор я на это вино смотреть не могу... Наконец ветер немного стих, и нас на катерах переправили на теплоход «Василий Серов», экипаж которого состоял из гражданских лиц. Танки на теплоход загрузили чуть раньше, подогнав его к причалу.

Стоило нам отойти от порта, как назло опять разгулялся ветер. Из-за страшной качки у меня началась морская болезнь. Помню, всех приглашают в кают-компанию обедать, а меня от одной мысли о еде начинает мутить. Некоторое время я пытался с этим как-то бороться, а потом, отчаявшись, начал искать такую точку на корабле, где бы меньше чувствовалась качка. И, наконец, нашёл...

Примостившись на маленькой площадке возле капитанской каюты, находившейся почти в центре корабля, и радуясь временному избавлению от морской болезни, я не думал о том, что всего через пару минут переживу один из самых позорных моментов в своей жизни, – так по крайней мере я воспринял случившееся в то время.

Капитаном корабля была молодая, красивая женщина. Имени её я, к сожалению, не помню. Она мне сразу очень понравилась. С одной стороны, она действительно была очень привлекательной, корректной и милой, с другой – от неё исходила какая-то сила, заставлявшая экипаж, состоящий из одних мужчин, беспрекословно выполнять её команды. И вот сижу я тощий, зелёный, измождённый от недавно пережитой в Иране тропической малярии, а также приступов рвоты и голода, военный техник 2-го ранга, около капитанской каюты, как вдруг рядом возникает она. Проходит мимо и, ни слова не сказав, окидывает меня с ног до головы, как мне показалось, презрительным взглядом. Меня это поразило в самое сердце. Я чуть не сгорел со стыда...

Я всегда трепетно относился к женщинам. Позднее, на фронте, они всегда прибегали ко мне со своими женскими бедами, о которых больше никому не решались рассказать. Я искал для них лекарства, направлял в госпиталь, хлопотал об отпуске. Я ни разу не смог переступить через себя и отправить женщину на задание, с которого она могла не вернуться – несмотря на все её слёзные просьбы. Я убедился, что женщины своей выносливостью, усидчивостью, старательностью, упорством и нередко отвагой

превосходят мужчин. Именно поэтому я ни за что не променял бы своих девочек-связисток на целую роту солдат. А тут я ударил в грязь лицом перед такой женщиной! Я не всё помню из фронтовых событий и операций, зато этот случай я запомнил на всю жизнь.

Пока теплоход шёл к Керчи, дважды совершала налёт немецкая авиация. Защиту корабля обеспечивал его гражданский экипаж, каждый из членов которого входил по расписанию в боевой расчёт корабля. Стоило раздаться команде «тревога», как все занимали места у зениток, а капитан поднималась на мостик. Оба налёта были успешно отбиты, хотя матросам до этого не приходилось воевать -они прошли лишь краткое обучение. Мы восхищались ими и мучились от мысли, что вынуждены оставаться в этой ситуации пассивными наблюдателями.

Нас высадили в маленьком рыбацком посёлке под названием Камыш-Бурун, к юго-западу от Керчи...

На том этапе войны Керченский полуостров был занят тремя нашими общевойсковыми армиями -47-й, 50-й и 51-й, которым удалось дойти с севера до Арабатской стрелки, а с юга – до Феодосии. Немцы были фактически вытеснены с Керченского полуострова, и действия приобрели позиционный характер.

Несмотря на некоторые наши успехи, у немцев в начале войны был явный перевес сил. Они превосходили нас как по численности, так и по техническому оснащению, в особенности по авиации. Кстати, именно по последней причине Сталин так старательно оттягивал войну. Его многие обвиняют в заигрывании с немцами, но это неправильно. Будучи дальновидным политиком и блестящим руководителем, Сталин прекрасно понимал, что на том этапе мы, не имея современных боевых самолётов, танков, нормальной связи, не могли тягаться с Германией. К сожалению, в его расчёте были учтены не все факторы, в частности, вероломство немцев... Как бы то ни

было, по ряду причин операция в Керчи была обречена на провал, но в момент высадки мы были полны оптимизма.

Теплоход отчалил. Позднее я узнал, что на обратном пути он был потоплен немецкой авиацией. Судьба экипажа мне неизвестна. Но в глубине души я надеюсь, что женщина-капитан, которая мне так понравилась, тогда не погибла и прожила долгую и счастливую жизнь.

Перед нашей бригадой была поставлена задача продвинуться к Керчи и войти в состав 51-й общевойсковой армии, которая вместе с двумя другими армиями должна была наступать вглубь Крымского полуострова, чтобы выбить оттуда немцев. Движение было затруднено, так как нам приходилось продираться сквозь непролазную грязь. Это было под силу только пехоте, а почти вся техника, в особенности автомобильная и артиллерия на автотяге, отстала. Мы вышли на рубеж к крупной железнодорожной станции Владиславовка и попали в самое сердце 51-й армии и центр боевых действий. Командный пункт бригады расположился на небольшой высоте г. Огуз-Тобе, в полутора километрах от переднего края, который совпадал с железной дорогой.

Кстати, рядом со мной в штабе армии, командный пункт которой размещался в нескольких сотнях метров от нас, проходила службу старшей радисткой на радиостанции РСБ (станция средней мощности) моя будущая жена – Нина Григорьевна Кошелёва. Тогда ей было всего 19 лет. Выросла она в Ташкенте, и в 17 лет её призвали в армию, послали на курсы и по окончании сразу отправили на фронт. Но познакомился с ней я гораздо позже под Сталинградом.

Вначале война была позиционная. Мы вели беспокоящий огонь танками, которые были зарыты в землю как огневые точки. Наши позиции хорошо простреливались, и мы постоянно находились под оружейно-пулемётным и миномётным огнём. Сначала мы не высовывались из щелей, а потом надоело: сколько можно так сидеть? Выберешься оттуда, вдохнёшь свежего воздуха, сядешь, закуришь...

В эти моменты отдыха я сделал несколько любопытных наблюдений. Лично убедился в том, что героизм наших солдат стоил всей немецкой передовой техники. Однажды я видел, как за нашим истребителем – И-16, тихоходным и слабовооружённым, гнались два немецких «фоккевульфа». Они пикировали на него сверху, как ястребы. Всё это происходило вблизи от железной дороги, вдоль которой шла телеграфная линия. Вдруг истребитель ринулся вниз и пролетел под проводами. Один немецкий самолёт сумел сманеврировать, а второй врезался в провода и разбился.

В другой раз, переводя дух после боя, я услышал, как кто-то поёт разудалую солдатскую песню. Обернувшись, я увидел молодого морского пехотинца в закопчённой, рваной тельняшке и сдвинутой на ухо бескозырке. У него была оторвана рука. Он перетянул её жгутом, и шёл в тыл, борясь с болью с помощью песни. Мы тут же дали ему машину и сопровождение и направили в полевой госпиталь.

Также я был свидетелем и совершенно иного случая. Как-то к нам на командный пункт заехал на броневике начальник продовольственного снабжения бригады. Это был его первый выезд из тыла на боевые позиции. Видимо, он сильно робел, поэтому долго не хотел выходить из броневика. Наконец, он высунул одну ногу, другую... и тут же в сердце ему попала пуля – он скончался на месте. Судьба.

На самом деле я убеждённый материалист, и хотя с уважением отношусь к религии и религиозным людям, меня уже никто не убеждает, что есть Бог. Но всё-таки, наверное, что-то управляет нашими жизнями. Поэтому в судьбу я верю. Если бы она не была ко мне благосклонна, то и я, и все мои товарищи вряд ли пережили бы то, с чем нам пришлось столкнуться в течение последующих нескольких недель.

На первое мая к нам приехала делегация с Кубани и привезла подарки. А второго – третьего мая немцы перешли в наступление на нашем фронте. Немецкие самолёты бомбили нас, не переставая. Вокруг стояла сплошная стена

огня. Сперва нам удавалось ценой нечеловеческих усилий отражать атаки. Кстати, там я впервые прыгал из горящего танка. Но потом случилось то, чего не должно было быть. Командование армии поставило с флангов национальные дивизии: тогда было модно поддерживать малые народы. Эти дивизии были слабо обучены и ни разу не были под обстрелом. От первого же удара они дрогнули и побежали, оголив фронт. Наша танковая бригада была вынуждена начать отступление, иначе бы мы оказались «в мешке».

Первая попытка освобождения Крыма оказалась неудачной. Мы никого не победили. Победили нас. Командующий фронтом Крылов застрелился. Войска планомерно отступали, от рубежа к рубежу.

В этот период про меня впервые написали в журнале «Связь Красной Армии». Я проявил новаторство, переведя связь в танковой бригаде на одну частоту. До этого связь всегда осуществлялась на нескольких частотах. Каждый батальон работал на своей частоте. Было сложно перестраивать станции с одной частоты на другую, это создавало дополнительные трудности и влияло на качество связи и управления. По одной частоте отдавал приказы командир бригады, а по другой ему шли доклады от подчинённых командиров танков, которых, к слову сказать, в бригаде бывало до 70 единиц. Нередко случалось так, что в ответственный момент какое-либо подразделение или его командир оказывались на другой частоте, что исключало возможность оперативной связи с ними. Понаблюдав какое-то время эту ситуацию, я решил, что одной частоты вполне хватит, причём говорить будет только командир бригады, а остальные будут выполнять его приказы и подавать голос только в случае крайней необходимости, например, если кончатся боеприпасы, нужно просить о подкреплении или перестроиться в новый боевой порядок. Такое решение обеспечило необходимую манёвренность и оперативность управления. Командование его оценило и перевело на предложенную систему связи во всех танковых войсках

Красной Армии. Сейчас, конечно, это уже не актуально, так как используются новые автоматизированные радиостанции, позволяющие оперативно переходить с одного канала на другой. А в начале войны, когда мы по средствам связи очень сильно уступали немцам, это был значительный шаг вперёд.

у немцев была радиорелейная связь, по линиям которой они осуществляли телефонную связь. Мы же работали на коротких волнах на старых радиостанциях, которых очень не хватало. Массовый выпуск срочно разработанных новых радиостанций РБМ, 9Р и ЮР был налажен лишь в конце 1942 года, когда наши предприятия, столь оперативно эвакуированные Сталиным на Восток, заработали в полную силу.

Кроме того, была ещё одна немаловажная проблема. Наши командиры, главным образом кавалеристы и пехотинцы, имевшие недостаточную техническую подготовку, страдали болезнью, которую метко окрестили «радиобоязнью». Среди них ходил миф, что сигнал с радиостанции можно мгновенно запеленговать и нанести удар. На самом деле это имело мало общего с действительностью. Определить точные координаты по сигналу с такой точностью в короткое время было невозможно. Тем не менее втолковать им это было очень сложно, и их излишние меры предосторожности наносили серьёзный ущерб управлению войсками на поле боя. Лишь после того, как в 1941 г. были выпущены две директивы Ставки Верховного Главнокомандующего о значении связи как основного средства управления, а в середине 1942 года издан приказ народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина о борьбе с радиобоязнью, с командирами начали вести активную просветительскую работу, призывая их эффективнее использовать радиосредства, научиться самим вести радиопереговоры, используя соответствующие кодированные карты, зашифрованные фамилии командиров, таблицы сигналов и другие способы радиомаскировки. Этим

же приказом были введены в употребление личные радиостанции для командующих фронтами, армиями и командиров соединений, в войска направили офицеров связи Генерального штаба со своими радиостанциями, была установлена связь через инстанции. Кроме того, любой штаб теперь мог быть перемещён лишь при наличии разрешения старшего штаба и обязательно на позиции, заранее оборудованные средствами связи. В результате в управлении армией произошли значительные сдвиги в лучшую сторону, оно постепенно становилось всё более оперативным и мобильным.

Интересно, что гораздо позднее, в 1979 году, та же история повторилась во Вьетнаме, во время военного конфликта с КНР. Командные пункты вьетнамской армии находились на сопках, и командиры, несмотря на все уговоры наших научных горьким опытом военных советников, упрямо размещали радиостанции в нескольких часах ходьбы от КП – у подножия холмов, мотивируя это теми же причинами, что и наши офицеры в 1941-1942 гг. По всей видимости, мышление технически неграмотных людей не зависит от национальной принадлежности и того, какой год на дворе...

Постепенно отступление становилось менее контролируемым, организованным и более хаотичным. Всю тяжёлую технику пришлось бросить. Мы вели огонь по самолётам из автоматов, пулемётов, даже из винтовок. Чтобы выжить, пришлось научиться вычислять, летит бомба на тебя или мимо. Стоит завуть сирене (бомбы у немцев были с сиренами), поднимаешь голову и смотришь. Если видишь шарик, который стремительно увеличивается в размере, значит, бомба твоя. Видишь хвостовое оперение, ударит мимо. Всё это давалось только практикой, теории тут недостаточно.

На войне нет ничего страшнее отступления. Когда идёшь в атаку, не думаешь, убьют тебя или нет. Ты знаешь, за что воюешь и что тебе нужно сейчас делать. Когда же отступаешь,

в голову лезут мысли о смерти, о том, что тебя убьют, а ты даже не сможешь сопротивляться. Тем не менее, даже в такой тяжёлой ситуации, ни у меня, ни у моих товарищей ни разу не возникло ни малейшего сомнения в том, что войну мы выиграем. Наверное, мы были так воспитаны, и настолько сильны в нас были ощущение собственной правоты и вера в торжество справедливости.

Местные жители, татары, не оказывали нам никакой помощи. Даже отказывались подчас дать воды, а мужчины стреляли в спину. Татары всегда считали себя хозяевами Крыма, а нас завоевателями. Грустно, что именно такой момент был выбран ими для мести. Я воевал рука об руку с представителями многих народов, и все они были надёжными товарищами, потому что нас не разделяла национальная вражда. У нас у всех была одна Родина, и тех, кто думал по-другому, мы считали не героями-борцами за свободу своего маленького народа, а предателями.

Во время нашего отступления произошёл случай, который иначе как чудом назвать и нельзя. В какой-то момент, когда мы вступили в ущелье, в небе появились тучи пикирующих бомбардировщиков «Фокке Вульф-111», и начали выстраиваться в боевой порядок. Началась обычная карусель перед бомбёжкой. Завыли сирены. Люди начали метаться. И вдруг с гор, при совершенно ясном небе, в ложину спустился густой туман. Самолётам пришлось развернуться и уйти. Установилась мёртвая тишина и покой. Войска продолжили своё движение к переправе. Если бы этого не произошло, то, наверное, в живых бы мало кто из нас остался. Опять же судьба... Наверное, бог к большевикам относился неплохо...

Наконец мы вышли к проливу южнее Керчи. Сзади была гряда невысоких, но господствующих над уровнем моря гор. Впереди – крошечная рыбацкая пристань. Плавсредств катастрофически не хватало, чтобы переправить многие тысячи людей на другой берег – на косу Чушку. Главным образом наших солдат выручали местные рыбаки на своих

баркасах. Отличные были ребята! Никто их не заставлял помогать Красной Армии под дулом пистолета. Увидев, что творится, они бросали рыбную ловлю и шли спасать людей. И при этом не разбирались, кто какой национальности...

Немецкая авиация продолжала нас жестоко бомбить. Немцы били по нам с прибрежных высот из миномётов. Это был кромешный ад. Мы не могли им ничем ответить, так как наша авиация не действовала, а зенитки были частично брошены по дороге...

Мина взрывается, во все стороны летят куски мяса, осколки костей. Кровавое месиво. Толпа на короткое время размыкается, а потом опять смыкается, продолжая движение к спасительной пристани, к рыбацким баркасам.

Командиров в том, что происходило, обвинять было нельзя. В ситуации хаотического отступления, когда все части перемешаны, каждый отвечал сам за себя. Но и это только в теории, потому что на самом деле эта масса людей уже функционировала по законам стихии. Управлять ею было совершенно невозможно.

Я дважды участвовал в так называемой «психической» атаке на немцев. Эти атаки никто не возглавлял, никто ими не командовал. Просто человеческая масса стихийно организовывалась и, зная, что терять нечего, фактически без оружия, шла на смерть в надежде отвоевать право на жизнь. Нам чудом удавалось отогнать немцев на 4- 5 километров и иногда даже захватить тяжёлое вооружение. А потом мы вновь спускались вниз и искали плавсредства. Так повторялось несколько раз.

В разгаре этих событий на сцене вновь возник комиссар Л.З.Мехлис, с которым, как уже было сказано, я впервые встретился на финской войне. Когда Крымский фронт начал терпеть поражение, то Сталин, придавая этому большое значение, отправил туда для руководства и поддержки морального духа солдат в качестве своего уполномоченного Мехлиса. Я лично видел его только в одной роли. Мехлис

циркулировал вдоль берега на военном катере и орал в мегафон: «Не поддавайтесь панике! Оказывайте сопротивление!» Солдаты крыли его матом, а кто-то даже стрелял по нему из автомата. Мехлис тут же смотался, и больше его никто не видел. Его дальнейшая судьба этого политработника мне неизвестна.

Я со своими людьми вышел на берег 15 мая. 17 мая, не дождав-шись катера, ребята нашли доски, сняли с разбитого автомобиля камеры и сделали для меня, своего командира, примитивное плав-средство. Я лёг животом на доску и поплыл, гребя руками. Течение было очень сильным, а вода холодной. В какой-то момент я очень устал и понял, что не могу больше грести. Меня начало относить в Чёрное море. На счастье рядом оказался рыбацкий баркас. Рыбаки бросили мне конец каната, втащили на борт, и доставили меня с моим рюкзаком и пистолетом на другой берег – косу Чушку.

Там я встретил своего знакомого. Обессиленные мы легли на землю и заснули. Сапоги и рюкзаки, в которых лежали консервы, подобранные нами во время отступления на брошенном складе, мы поставили рядом. Проснулись – ни рюкзаков, ни сапог нет, а сапоги были хорошие, офицерские. Наверное, такие же, как мы отступаю-щие, прихватили. Разные люди на войне встречались...

После всех этих событий нашу бригаду собрали на сборном пункте в Темрюке и отправили в станицу Крымскую, где мы отдох-нули, пользуясь радушным гостеприимством казаков (кстати, волею судеб в станице находилась и моя будущая жена, с которой мы ещё не встретились), а потом под Тулу, в Татищеве. Там нас соединили с 54-й танковой бригадой, и на нашей основе был сформирован 4-й механизированный корпус, в состав которого вошли две лёгкие тан-ковые бригады, одна тяжёлая танковая бригада, одна пехотная бри-гада, артиллерийский полк, гаубичный полк и два противотанковых дивизиона. А дальше нас бросили под Сталинград.

Сталинградская битва и форсирование Днепра

Считая, что с Красной Армией уже покончено, Гитлер поставил перед вермахтом задачу – взять Сталинград и выйти на Кавказ, что обеспечило бы немцам доступ к бакинской нефти. Кроме того, выйдя к Волге, они создали бы благоприятные условия для своего решающего наступления на Москву.

Вместе с остатками 28-го механизированного корпуса наша бригада вошла в состав заново сформированного 4-го механизированного корпуса, командиром которого был назначен генерал В.Т. Вольский, а начальником штаба – А.А. Пошкус. Я стал начальником связи корпуса.

Наше пребывание в Сталинграде было недолгим. Перед корпусом была поставлена задача продвигаясь на запад, в направлении города Калача, переправиться на западный берег реки Дон и занять там жёсткую оборону, чтобы создать заслон б-й немецкой армии под командованием генерал-полковника фон Паулюса (звание фельдмаршала было ему присвоено лишь в ходе боёв в Сталинграде), не допустив её прорыва к Сталинграду. Это позволило бы вновь организованному Сталинградскому фронту занять оборонительные рубежи для прикрытия города.

Вскоре в районе Калача, особенно к западу от города, разгорелись ожесточённые кровопролитные бои. У немцев был явный перевес сил в авиации: бомбили непрерывно.

Мы пытались отстреливаться. Наши танки были закопаны на всех позициях как огневые точки. Ночью мы маневрировали (в пределах 10 километров), оставляя на прежних позициях сделанные из фанеры и веток муляжи, чтобы ввести в заблуждение немцев...

Командный пункт командира корпуса размещался на правом берегу Дона. Там же были расположены и радиостанции, через которые осуществлялась связь с войсками, с командующим фронтом и Ставкой Верховного Главнокомандующего. Я часто заходил к нашим связистам. Меня поражала их отвага: несмотря на жесточайший обстрел они ни на секунду не оставляли своих постов. Это было тем более удивительно, потому что третью часть их составляли совсем молодые девушки, среди которых, кстати, была и моя будущая жена Нина Кошелёва. Вместе "со своей боевой подругой Машей Чичкан они прибыли в корпус с группой, прикомандированной к маршалу Г.К.Жукову, который выезжал в войска для координации действий фронтов. Нина мне сразу понравилась: худенькая, скромная, но глаза блестят и характер, как кремень. Недаром она получила от маршала Г.К. Жукова поощрение.

Перед одним из моих посещений узла связи немецкая авиация нанесла мощнейший удар. Земля была покрыта разлагающимися трупами солдат и лошадей. Август, жара... Запах стоял просто невыносимый. Я захожу к связистам и вижу: сидят мои девочки, работают, как ни в чём не бывало. В них даже мысли не возникло спрятаться от бомб! Я их слегка отругал за излишнюю смелость, хотя, наверное, мне не удалось скрыть искреннее восхищение, звучавшее в моём голосе, и велел командиру батальона связи немедленно убрать и захоронить трупы, обеспечив связисткам нормальные условия. (Хочу заметить, что подчёркивая особое мужество и дисциплинированность женщин-связисток, я отнюдь не хочу умалить достоинств мужчин-связистов, в числе которых себя великолепно

проявили мои заместители майоры Симонов и Драгунов, а также командир 11-го батальона связи майор Холодяков, рядовой Базянов и многие-многие другие).

В ту же ночь мы с боями и большими потерями оставили Калач и отошли в район Карповка – Платоновский. Окопались мы на невысоких курганах, откуда хорошо видны и простреливались основные пути, ведущие к Сталинграду. Наш командный пункт разместился к северу от тракторного завода.

Здесь я в первый раз лично убедился в том, что чрезмерная педантичность и дисциплинированность немцев -это не солдатские сказки, а реальный факт. Произошло это так... На КП доложили, что в километре от наших позиций, на пустынной дороге замечен немецкий бронетранспортёр, направлявшийся в сторону Сталинграда в сопровождении мотоциклистов. Поражённый наглостью немцев командир отдал приказ перехватить колонну и доставить пленных в штаб. При допросе старшего из них я выступал в качестве переводчика, так как оказался единственным, кто мог худо-бедно связать два слова на немецком языке. И вот, что мы от него услышали: оказывается, по плану ставки верховного командования немецкой армии Сталинград к этому моменту уже должен был быть взят, и гонец ехал с приказом вермахта к Паулюсу обеспечить переправу через Волгу. Ему даже в голову не пришло проверить, свободен ли путь. Разве фюрер мог ошибиться? Если он приказал войти в Сталинград, значит, так оно и должно было быть. Одним словом, немец был в таком шоке, что командир даже велел налить ему полстакана водки, чтобы развязать язык. Допросив, мы отправили немца в тыл. Нам вообще не было свойственно проявление жестокости к пленным, в отличие от тех же немцев, которые издевались над захваченными в плен русскими солдатами и офицерами.

А затем мы стали наблюдать, как немецкие колонны (сначала три, потом шесть, восемь...), танки,

бронетранспортёры, автомобили идут на Сталинград. Мы нанесли один удар, разгромив какую-то часть этого войска, и отступили вновь на свои высоты. Что нам оставалось ещё делать? Слишком не равные были силы... Наш корпус фактически утратил свой боевой потенциал и был направлен на переформирование под Курск. Там мы пробыли недолго – всего пару недель.

Пользуясь короткой передышкой, я решил наконец вырвать давно беспокоивший меня зуб мудрости. Мы с адъютантом нашли девочку-стоматолога, занимавшуюся частной практикой. Она была очень смущена нашим визитом, так как у неё не оказалось никаких анестезирующих средств, а, я думаю, никому не надо объяснять, что такое удалять зуб мудрости без анестезии. Я залпом выпил стакан водки и сел в кресло. Стоматологом она оказалась не очень опытным, и к середине первого часа операции был удалён лишь один корень. В результате доктор упала от перенапряжения в обморок. Мы её откачали, выпили все вместе ещё немного водки, и через двадцать минут процедура была завершена. Я её отблагодарил, как мог, – офицерским пайком.

Только я решил проблему с проклятым зубом, как наш корпус, пополненный прошедшим ускоренную боевую подготовку личным составом и укомплектованный боевой техникой, снова бросили под Сталинград – восточнее озёр Бормонцак и Цаца. Была середина октября 1942 года...

Тогда мне впервые довелось беседовать по радиотелефону с Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным. Я остался на командном пункте один, так как командир корпуса генерал-лейтенант В. Т. Вольский находился в войсках. Вдруг раздаётся звонок из Москвы: "Сталин хочет говорить с командиром. — Командира нет – есть только начальник связи майор Белов.— Давайте". — я взял трубку, представился, доложил ситуацию. Сталин задавал вопросы доброжелательно, интересовался мельчайшими деталями.

В конце разговора я заверил его, что мы ни на секунду не сомневаемся в том, что враг будет разгромлен. Сталин поблагодарил меня и повесил трубку. Наверное, нет необходимости говорить о том, что беседа проходила в закрытом режиме. Для меня это было очень важное событие, так как Сталин для нас был не просто человеком, а Вождём с большой буквы, гарантом нашей победы над фашизмом.

Из того же периода мне запомнился ещё один эпизод. В ночь перед наступлением, с 19 на 20 ноября, командующий фронтом генерал А.И. Ерёменко, ветеран гражданской войны, и член Военсовета Н.С. Хрущёв объезжали войска, поднимая воинский дух солдат и проверяя их готовность к бою. Посетили они и наш корпус. Генерал Ерёменко обратился к солдатам с воодушевляющей речью. Говорил он примерно следующее: «Боец должен иметь солдатскую сметку. Вот в прошлую войну мы как действовали? Патронов было мало, а белогвардейцев много... Выберешь, бывало, с фланга укрытую позицию и лежишь ждешь, когда враг поближе подойдет, а затем стреляешь по шеренге и одним выстрелом сразу 10-12 человек убиваешь...» Солдаты, конечно же, маршалу не верили, так как многие из них имели за плечами хорошее техническое образование и понимали, что эта история противоречит элементарным законам физики. Кроме того, они привыкли иметь дело с Вольским – талантливым командиром и высококультурным человеком. Тем не менее, А.И. Ерёменко, несмотря на свою простоту старого рубаки, был храбрецом и умел поднять бойцов в бой, в этом ему отказать было нельзя.

Наступление началось. План нашего военного руководства сводился к тому, чтобы в 400-километровой полосе разгромить ослабленного в результате предыдущих операций врага, отобрать у него инициативу и создать необходимые условия для наступательных операций на южном крыле. Благополучный исход операции во многом определялся внезапностью удара и тщательностью

подготовки к нему. Все мероприятия проводились в обстановке строжайшей секретности: открытые телефонные разговоры были запрещены, радиостанции работали только на приём, приказы и распоряжения передавались устно.

Наш корпус был введён в сражение после прорыва первой оборонительной полосы немцев. Продвигались мы достаточно быстро и к утру захватили населённый пункт Советский. Вскоре туда подошли танки 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта. Благодаря качественно организованной связи, в чём есть и моя заслуга, встреча ко всеобщему ликованию прошла успешно: несмотря на темноту и отсутствие опознавательных знаков, наши корпуса не открыли друг по другу ошибочный огонь. Так вокруг сталинградской группировки немцев было создано кольцо окружения.

Нужно в принципе отметить, что в боях за Сталинград и позднее, от радиобоязни, причинившей нам столько бедна первом этапе войны, не осталось и следа. Все рода войск, включая пехотинцев, танкистов, артиллеристов, активно применяли радиосвязь как основное средство управления.

Управленческий опыт наших командиров и начальников по сравнению с 1941 годом вообще существенно возрос. Они умело пользовались личными радиостанциями. Штабы перемещались лишь в заранее отрекогносцированные места, при этом второй штабной эшелон функционировал до полного развёртывания первого. Впереди штабов выдвигались подвижные командные пункты. Последний эшелон штабов составляли тыловые пункты управления, имевшие собственную связь и находившиеся на удалении от КП. Одновременное перемещение всех эшелонов штаба строжайшим образом запрещалось. Всё это создавало стройную систему управления, эффективно функционирующую даже в самых сложных условиях динамичного боя.

На этом этапе войны были чётко сформулированы незыблемые правила для размещения штабов: прибыл в намеченное место, собираешься пробыть там сутки-устраивайся на неделю, думаешь остаться на неделю – готовься на месяц. Первым делом устанавливалась радиостанция и обеспечивалась качественная, бесперебойная связь, а также рылись щели для обеспечения безопасности личного состава: сберечь солдат и командиров – это главная, задача на войне, хотя ежедневно приходилось сталкиваться с потерями личного состава. Особенно обидно, когда эти потери были недостаточно оправданы. Второй шаг -выкопать котлован с аппарелью для укрытия подвижной радиостанции и его замаскировать. Если позволяет время, можно дополнительно сделать накат (одинарный или двойной) над радиостанцией. Далее сооружается землянка для отдыха личного состава, и, наконец, строится баня -примитивная, с бочкой вместо печки... Я глубоко уверен в том, что эти простые, базовые правила, подсказанные самой жизнью, не утратили своей актуальности и по сей день, и был бы рад, если бы наш опыт оказался полезным для нового поколения... На войне в Афганистане, да, вероятно, и в Чечне многими правилами и опытом Великой Отечественной войны пренебрегали.

Также, начиная с 1942 года, очень эффективно действовал институт прикомандированных к различным соединениям и объединениям офицеров связи Генштаба, имевших свои шифры, средства связи и передвижения. Благодаря этому каналу связи, Ставка ВГК могла оперативно уточнить положение дел на том или ином участке боевых действий и принять верное решение.

После завершения окружения началась другая страшная фаза войны. Для поддержки армии фон Паулюса Гитлер бросил под Сталинград мощную армию под командованием фельдмаршала Манштейна. Наш корпус был передислоцирован на юго-запад, в район Черноморов – Верхне-Кумский – Громославка. Вместо того, чтобы насладиться

победой, мы приступили к строительству укреплений на новых рубежах. Начались жестокие бои. Только на участке нашего корпуса авиация противника произвела до 1000 боевых вылетов. Хотя мы ощущали острый недостаток в пехоте и авиации, генерал Вольский решил любой ценой не пропустить противника дальше на восток. Танкисты держались стойко, и поставленная задача корпусом была выполнена. Немцев нам удалось отбросить, хотя при этом мы понесли большие потери. Кстати, во время этих боёв я второй раз прыгал из горящего танка...

22 декабря 1942 года был опубликован приказ о присвоении звания Герой Советского Союза командирам наших танковых бригад подполковникам М.С. Диасамидзе и А.А. Асланову, а 24-го числа вышел номер «Красной Звезды», в котором были отмечены их воинское мастерство и необыкновенное мужество, а также воздано должное командиру нашего соединения генералу Вольскому. Наш корпус назывался одним из лучших в Красной Армии, и газета призывала советских офицеров учиться искусству руководства у наших командиров. И, конечно, нашей радости не было предела, когда на КП позвонил сам Сталин (говорил с ним опять я) и лично поздравил с присвоением нашему корпусу почётного звания «3-й Гвардейский механизированный корпус» (позднее сюда добавилось слово «Сталинградский»), в связи с чем был выпущен специальный приказ. Вскоре после этого я также был отмечен в приказе Верховного Главнокомандующего.

А потом перед нашим корпусом была поставлена новая задача, а именно: овладеть городом Матвеев Курган и занять оборону по восточному берегу Дона с тем, чтобы не допустить ссорсирования реки танками группировки Майнштейна и обеспечить выход из окружения 4-го танкового корпуса генерала Танастишина.

Немцы всё ещё не оставляли попыток деблокировать окружённую под Сталинградом б-ю армию Паулюса. Авиация непрерывно наносила по нам сильные удары. Однако

наши танки были хорошо укрыты, и ощутимых потерь мы не понесли... Манштейн не прорвался, а 4-й танковый корпус успешно переправился на левый берег Дона.

Во время этих боёв по дороге на передний край я попал под страшную бомбёжку. Мне удалось выжить лишь благодаря какому-то необъяснимому везению. Мой водитель при виде летящих бомб успел укрыться под машиной. Я же залёг в кювет. Одна бомба ударилась о землю в нескольких шагах от меня. Раздался взрыв, полетели камни, осколки... Засыпанный землёй и контуженный я оказался на самом краю воронки. По всем законам физики я должен был умереть, однако выжил, хотя способность видеть и слышать возвратилась ко мне лишь на вторые сутки. Ещё долго после этого случая я мучился от головных болей и заикался.

Любопытно, что когда после войны мне оформляли свидетельство об инвалидности, то контузия не была принята во внимание. Зато два ничтожных мелких осколка (один вонзился мне в ногу при форсировании Днепра, а второй – в лоб во время боёв в Прибалтике), которые были извлечены пинцетом, после чего ранки обработали йодом, оказались существенным фактором для назначения инвалидности. Видите ли, нужна кровь. Всё, что без крови, не считается.

В марте 1943 года наш корпус был выведен в район Новочеркасска – Бирюкове и вошёл в резерв Южного фронта. В апреле в связи с болезнью генерала Вольского в командование корпусом вступил генерал-лейтенант ВТ Обухов. Затем в августе корпус поступил в оперативное подчинение 47-й армии и, находясь во втором эшелоне Воронежского фронта, начал с боями продвигаться по территории Украины в направлении города Канев на Днепре. 28 сентября мы получили приказ сосредоточиться в районе Каневского острова и начать переправу на правый берег Днепра, а точнее, на расположенный в пяти километрах к северо-востоку от Канева небольшой

плацдарм, захваченный другими частями 47-й армии. На всём пути продвижения корпуса немцы оказывали огневое сопротивление, ставшее крайне ожесточённым на подходах к Днепру. Корпус приступил к подготовке форсирования.

Перед нами была поставлена сложная задача: Днепр -река широкая. На высотах его правого берега прочно укрепились немцы, которые вели непрерывный, ураганный огонь. Сначала бойцы переправлялись на подручных средствах, затем были наведёны понтонные мосты. Связистам был дан приказ проложить телефонный кабель через Днепр для обеспечения связи с достигшими другого берега ударными группами. Поскольку специального подводного кабеля у нас не было, мы, взяв несколько обычных полевых кабелей, сплели их вместе и просмолили. Прокладка кабеля происходила под яростным обстрелом-, тем не менее, задача была выполнена. В результате успешного завершения операции плацдарм был расширен, Канев взят, что открыло нашим войскам путь для освобождения Киева.

При форсировании Днепра отличились многие связисты, всех имён я, конечно, не вспомню. Однако мне хотелось бы отметить особое мужество связистов Чалого, Лебедева, Танкова, лейтенанта Скитыбы, которому вскоре было присвоено звание Героя Советского Союза. Должен заметить, что они действительно были настоящими героями, так как, отправляясь на задание, понимали, что шансов вернуться живыми ничтожно мало. Осознавал это и я, отдавая такой приказ. Мне было нелегко, но в годы войны я был вынужден научиться жёсткости. Если командир не проявит определённую разумную твёрдость, задача не будет выполнена, окажутся под угрозой многие жизни, а также успех операции.

Я не боюсь признаться в том, что могу, взвесив все «за» и «против» поступить жёстко, если этого потребуют обстоятельства. Например, наши демократы часто критикуют командиров Красной Армии за то, что они во время Великой Отечественной войны

создавали заградотряды и расстреливали дезертиров, не проявляя к ним сострадания. У меня тоже в жизни был случай, когда я отдал приказ о создании заградотряда. Судите сами. Было это так.

Перед началом операции по форсированию Днепра я ехал на своей машине в штаб (я исполнял обязанности начальника штаба, так как мой предшественник погиб в бою) и вдруг увидел, что мне навстречу бежит толпа людей. Я остановил машину, вышел. Со мной было несколько офицеров. Я собрал их и дал указание расстреливать всех, кто не послушается и не повернёт назад. А дезертирам я сказал: «Куда же вы бежите, сволочи?! Что же вы землю свою продаёте! Вы же погибнете все! Назад». Большинство из них вернулось на боевые позиции. Меня не мучили угрызения совести, так как ещё в Крыму я убедился в том, что самое страшное на войне – это паника. Людям присуще стадное чувство, особенно молодым и неопытным, а также тем, кто не способен здраво и критически оценить ситуацию. Бежит один – за ним вслед бросается ещё десять человек. Таким образом, истории о бессердечных военных, расстреливающих невинных солдат, это, в своём большинстве, очередная миф, не имеющий под собой реальной основы...

После форсирования Днепра наш корпус был выведен под Курск, в район посёлка Гуторово, где в течение 4 месяцев мы набирались свежих сил. Там я сделал предложение Нине, она, к моей огромной радости, согласилась (до этого она долго избегала меня, не желая иметь никаких личных отношений с начальством), и мы расписались в местном сельсовете. Мы с ней прожили долгую счастливую жизнь – вплоть до её безвременной кончины в 1992 году... За время войны она была заслуженно награждена рядом боевых орденов и медалей. В Великую Отечественную войну она потеряла девять своих братьев.

С конца 1943 и до середины 1944 года наш корпус воевал в составе 3-го Белорусского фронта.

С мая по июль 1944 года мы, действуя в передовом эшелоне, с боями продвинулись на расстояние до 1000 километров. Темпы продвижения были очень высокими – до 80-100 километров в сутки, в связи с чем задача сохранения непрерывного управления приобрела первостепенное значение. Результат достигался за счёт правильного эшелонирования и последовательного перемещения пунктов управления в частях и соединениях при обеспечении радиосвязи как в ходе перемещения, так и на остановках или при временном развёртывании для руководства боевыми действиями. Кроме связи пунктов управления между собой, была организована и бесперебойная радиосвязь между органами разведки, передовыми, фланговыми опергруппами и тыловыми штабами. Одним словом, управление в нашей армии вышло на качественно новый, эффективный уровень.

15 июля 1944 года наш корпус был передан в подчинение 1-му Прибалтийскому фронту, начиналась операция по разгрому Курляндской группировки противника.

Прибалтика и Дальний Восток

Завершался 1944 год. Война подходила к концу. Смоленск был уже взят советскими войсками. Наш корпус отправили в Прибалтику, в район Щяуляя, где сосредоточились значительные силы германской армии, так называемой Курляндской группировки. Немцы прочно укрепились в Риге, Лиепае и Клайпеде. Мы замкнули кольцо окружения западнее Риги и вышли в районе Тукумс к морю, в котором набрали две бутылки воды и отправили в качестве подарка Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину. Затем нас несколько оттеснили к Добеле. Немцы отчаянно сопротивлялись, хотя моральный дух их войск был подорван. Каждый день они узнавали всё о новых победах Советской Армии. Кроме того, немецко-фашистская группировка была в буквальном смысле этого слова загнана нами в угол. Наши войска прижали их к морю, а переправиться у немцев не было возможности, так как все корабли были уничтожены, а порт Клайпеда находился под непрерывным огнём и ударами нашей авиации. Военные действия велись нами не очень активно, так как мы понимали, что немцы обречены. Мы наносили очередной удар, немцы огрызались, мы отступали. Так мы и немцы маневрировали до мая 1945 года, когда узнали о взятии рейхстага и капитуляции Германии.

Весть о победе мы встретили с ликованием. Солдаты запускали в воздух ракеты, палили из пистолетов, винтовок и автоматов. Омрачало нашу радость только одно обстоятельство:

мы знали, что, если бы не наши союзники, то это произошло бы гораздо раньше. И.В. Сталин сознательно дал американцам возможность обратиться с силами, чтобы они могли начать свои операции на северо-западе. Как известно, во время состоявшейся в феврале 1945 года Ялтинской конференции, в которой приняли участие Сталин, Рузвельт, Черчилль и другие представители союзных государств, Сталин принял решение начать Висло-Одерскую операцию вместо запланированного наступления на Германию, чтобы американцы могли отразить атаку немцев в Арденнах. От союзников нам вообще было немного пользы. Взять, к примеру, ленд-лиз. Американцы помогали нам в основном шоколадом, тушёной и легковым транспортом. Боевая техника у них, особенно танки, значительно уступали нашим, а поставки средств связи составляли всего 5 процентов от того, что вырабатывала наша промышленность. Видимо, они работали главным образом на себя, чтобы СССР вплоть до конца войны не получил решающего перевеса над Германией.

После взятия рейхстага немцы в Прибалтике начали капитулировать. Но мы в течение какого-то времени на оккупированную ими территорию не заходили. А потом я получил приказ взять с собой несколько офицеров и отправиться с ними на двух «виллисах» – хороших американских джипах – в район Клайпеды, где были сосредоточены немецкие склады. Мы должны были разведать, что именно на них хранится. По нашим сведениям, содержащиеся там запасы создавались не один месяц и были рассчитаны на многотысячную армию...

Мы пересекли линию фронта ночью и сразу увидели огни двигавшейся нам навстречу громадной немецкой колонны. Хотя я и понимал, что немцы идут сдаваться, мне стало не по себе: а вдруг нападут и захватят в плен, а то и расстреляют? Ведь свидетелей нет. Взяв себя в руки, я вышел из машины и, подойдя к первому попавшемуся командиру, начал объяснять ему, куда и зачем мы едем.

Немецкий офицер отдал честь и дал приказ. Вся колонна послушно перестроилась вправо. Как впоследствии выяснилось, встреченный нами мотопехотный полк двигался на наш сборный пункт сдаваться в плен. Всё происходило очень организованно, все были при оружии, соблюдался строгий порядок. Командир полка – он же начальник колонны – пригласил нас в свою машину, угостил кофе, шнапсом. Мы немного поговорили о положении дел, информировали его о наших задачах. Нам рассказали об особенностях дороги, дали сопровождающую группу-офицера и трёх солдат. На прощание я поблагодарил немца за тёплый приём и пожелал ему побыстрее вернуться домой, после чего продолжил свой путь в Клайпеду. К сожалению, ничего стоящего мы на складах не нашли, поскольку там в основном хранилось транспортное снаряжение. Это был второй случай, когда меня удивила дисциплинированность немцев. Война кончилась, значит – кончилась. Немцы так это и восприняли.

На обратном пути мы вновь нагнали этот полк, и как же мне было стыдно за некоторых наших солдат, которые, как стало мне известно, отбирали у пленных немцев часы! Очень мелочно и унижительно это было для армии-победительницы... Я извинился перед командиром колонны и сказал, что страна у нас большая, люди в ней живут разные, поэтому случается всякое. Я пообещал ему доложить о случившемся нашему командованию.

Из того периода мне запомнился ещё один случай. Когда наш штаб корпуса стоял в Добеле, командир попросил меня съездить на полевою танковую ремонтную базу, где отмечалась годовщина части и поздравить ребят от всей бригады. Гостей было много – около 100 человек. Стол был богатый. В основном все пили разведённый трофейный спирт, цистерны с которым достались нам при взятии железнодорожной станции Тукумс. Я же, не будучи большим любителем спиртного, прихлёбывал какую-то брагу, смутно напоминавшую пиво. В разгаре вечера среди гостей

вдруг возникло волнение. Некоторых начало рвать. Потом кто-то закричал, что ничего не видит. Люди запаниковали, вызвали врачей. Я уехал... На следующее утро нам сообщили, что больше 20 участников вечера скоростно скончалось от пищевого отравления. Спирт оказался техническим-древесным. Начальник, так легкомысленно подошедший к организации этого торжества и допустивший, не сделав анализа, употребление яда вместо спирта, был строго наказан командиром корпуса. На меня эта история произвела неизгладимое впечатление. Как же так? Люди прошли всю войну и погибли из-за какой-то глупости... Из тех, кто пил в основном спирт, выжил лишь один человек – майор Король, начальник связи танкового полка. Почувствовав неладное, он вернулся к себе, и, прихватив вещмешок с бутылкой водки и банкой тушёнки, отправился на кладбище Добеле умирать. Выпив и закусив, Король заснул среди могил. Ночью очнулся и обмер от ужаса: кругом темнота, кресты... Лишь потом он сообразил, что с ним произошло.

Естественно в печати этот прискорбно-курьёзный случай не освещался. Вообще во время войны корреспондентам давали строго дозированную информацию. Я не берусь судить о том, хорошо это или плохо. Однако сейчас, когда у нас вроде бы царит свобода слова и нет цензуры, на самом деле людям просто замусоривают головы бессмысленной или недостоверной информацией, чтобы они могли её постоянно пережёвывать, а правда о том, что у нас действительно происходит, по-прежнему не публикуется. Разница лишь в одном: раньше это делалось по принципиальным идеологическим соображениям, а теперь всё контролируют деньги. Кроме того, сейчас газет и журналов стало неизмеримо больше. Каждое издание пишет об отдельных фактах, событиях, давая им свою оценку. При этом обычный читатель не в состоянии охватить всё написанное: во-первых, это ему не по карману, а во-вторых, уловить истину в этом ворохе информации может только специалист, который в силу своих политических симпатий или ангажированности представляет

свою версию событий и делает угодные ему выводы...

Мы с женой провели ещё некоторое время в Прибалтике, посетили Ригу и Щяуляй. Местные жители, ещё не оправившиеся от войны, тогда относились к нам вполне дружелюбно. Лишь позднее в Прибалтике начали организовываться банды и стали резать русских командиров. К сожалению, национализм пока ещё – вещь неистребимая... В Риге меня принимал градоначальник. Он завёл нас с супругой в роскошную пятикомнатную квартиру и сказал: «Забирайте!». Мы только пожалы плечами, поблагодарили и отказались: зачем она нам? Мы хотели жить после войны среди своих соплеменников. Мы вернулись в Щяуляй, где базировался наш механизированный корпус, который в наше отсутствие получил приказ следовать в Забайкалье. Жена села в эшелон, я – в самолёт, и мы отправились в район города Читы.

8 августа 1945 года Советское правительство заявило японскому послу в Москве, что со следующего дня мы считаем себя в состоянии войны с Японией. Сталин пошёл на этот шаг, так как считал своим долгом перед Россией вернуть русские территории – Южный Сахалин и Курильские острова, захваченные во время военных действий 1905 года, тем более, что нельзя было исключать СССР из финальной части второй мировой войны. В конце лета – начале осени наши армии развернули наступление на территории Манчжурии против японской Квантунской армии.

Наш механизированный корпус принимал участие в этой операции. Впереди шла пехота Забайкальского и Дальневосточного военных округов, мы же прикрывали их сзади. Наш корпус дал японцам бой в Малых Хинга-нах. Он был не очень серьёзным, и мы быстро сломили сопротивление противника. Наступление на Дальневосточном фронте продолжалось, а наш корпус перебросили в Приморье, в Манзовку-старое казачье село, построенное перед первой войной с Японией, когда царь заселял уроженцами Украины и России Дальний Восток.

Каждая вновь прибывшая семья тогда получала 100 рублей (большие деньги по тем временам – лошадь, телегу и корову). Переселенцы жили селениями, которым давали названия в честь тех мест, откуда они были родом. Правда, умирать старики, как правило, уезжали на родину...

В Манзовке жена родила мне старшую дочь, которую я сразу же безмерно полюбил. А вскоре меня и ещё группу офицеров отправили в полевую поездку по Манчжурии, которая к тому моменту была уже занята Красным Китаем и далее по Северной Корее.

Ещё в начале поездки я обратил внимание на то, что китайцы, встречая нас радушно, относились к нам всё же настороженно. Они нас угощали, постоянно улыбались, но все разговоры на деловые и политические темы в нашем присутствии тут же прекращались. А ведь это благодаря нам была разгромлена Квантунская армия и освобождена Манчжурия! Кроме того, народно-освободительная армия Китая была целиком вооружена нашим оружием. Но это их не особенно интересовало. Тогда я впервые задумался над разницей в психологии русских и китайцев. Русские живут одним днём, широко, и душа у них всегда нараспашку. Китайцы же – сосуд с двойным дном. Что у китайца на уме -понять до конца невозможно, поскольку у них совершенно другие измерения: они планируют жизнь на века, на многие поколения, существуя ради продолжения своего рода. У них не бывает настоящих друзей и союзников среди представителей других наций. Русские не очень хозяйственные: что у них есть – тому они и рады, а китайцы способны на камнях урожай собрать, трудолюбие их просто поразительно. Переехав советско-китайскую границу, мы были крайне удивлены тому, что в Забайкальске местные жители выращивают только картофель и лук, а всего в каких-то 8 километрах от него, в Северной Манчжурии, китайцы вовсю торгуют дынями, арбузами, метровыми огурцами...

Ещё я обратил внимание на китайских детей, которые на морозе бегают по снегу в одних рубашонках. Едем на

машинах – впереди идёт китайка. К спине платком привязан малыш. Мы в шапках и шинелях, на улице метель и мороз минус 20-25° градусов, а у него головёнка непокрыта, ножки и ручки голые наружу торчат. Удивительно стойкая и жизнеспособная нация. Не даром они сейчас по всему миру пустили корни. Наверное, они всех нас переживут.

Побывали мы и в Харбине. Там я встретился с русскими – бывшими белогвардейцами, вернее, их потомками. Они встретили нас с распростёртыми объятиями. Очень радовались тому, что Россия выиграла войну. Прожив столько лет на чужбине, они остались настоящими патриотами, живущими вестями с родины и стремящимися вернуться назад.

Одним из последних впечатлений от поездки стало посещение нашей бывшей морской крепости Дайрен (Дальний). Меня поразило то, что дислоцировавшиеся там во время второй мировой войны японцы, а потом и китайцы тщательно оберегали памятники и могилы русских солдат, содержа их в образцовом порядке.

Наша поездка продолжалась почти полтора месяца. Мы побывали во многих китайских гарнизонах, знакомясь с военным театром и изучая нравы наших восточных союзников. Я не могу сказать, что до конца понял китайский характер, но вынес из поездки много поучительного. В Манзовку я вернулся с гостинцем – большим окороком. Мои родные были в восторге, так как с едой у нас было плохо. Мы вывесили окорок за окно, а утром смотрим – нет его, утащили. Моя мама, приехавшая к нам из Ташкента, очень по этому поводу убивалась.

Отдыхали мы недолго, так как вскоре нас отправили в поездку по Северной Корее. На том этапе 38-я параллель – граница между советской и американской зонами влияния – ещё не была официально признана, хотя расстановка сил уже произошла. Мы посетили американскую базу в Сеуле, и больше всего нас поразило то, как американцы организовали пользование своим легковым

автотранспортом. Выходит офицер из штаба кавалерийского корпуса (на самом деле корпус танковый, просто американцы сохранили название из-за приверженности традициям), и берёт любую машину из тех, что выстроились перед зданием в ряд. Доехав до места, отпускает, а потом берёт другую. Если же в автомобиле случится какая-то незначительная поломка, то его не чинят, а просто отправляют на свалку. Мы же привыкли совершенно к иному: у нас машины всегда закреплялись за конкретными офицерами, которые отвечали за их сохранность. На первый взгляд, пустяковое различие, но о какой разнице в менталитете наших наций оно говорит!

Запомнился мне ещё один случай: по пути в Сеул мы случайно заехали в католический монастырь, основанный немцами ещё до войны. Монахи встретили нас радушно, угостили вином и обедом. Мы с ними беседовали на общие темы, тщательно избегая всего, что было связано с войной. Создавалось впечатление, что эти люди живут вне времени и пространства, что кровопролитие минувших лет их никак не коснулось. Так, наверное, оно и былЪ. И мне в очередной раз пришло в голову: как всё-таки странно устроена жизнь. Ещё совсем недавно любой немец для нас был заклятым врагом, а сейчас мы сидим и ведём светские разговоры с немцами, более того монахами-католиками, и где – в Корее!

Вернувшись в Манзовку, мы провели там почти полгода. Никаких особых событий за это время не произошло. Гарнизон жил обычной жизнью. Затем корпус переформировали в танковую дивизию и перевели в Уссурийск. Мне дали «эмку» – первую советскую легковую машину -чтоб я мог перевезти свою семью. Мы страшно боялись, что наша дочка замёрзнет- на улице стоял трескучий мороз. Моя жена закутала её в несколько одеял, а когда во время остановки плачущую девочку развернули, то увидели, что она вся мокрая от пота. Мы хотели как лучше, ^а бедный ребёнок всё это время задыхался от жары.

В Уссурийске мы прожили год в построенном ещё при царе для офицеров местного гарнизона доме со стенами полуметровой толщины и окнами-бойницами. Несли военную службу в составе 51-й армии. В городе буквально на каждом углу слышалась японская речь. Пленные японцы ремонтировали улицы, помогали в обмен за еду местным жителям по хозяйству. К ним относились хорошо, так как проблем они не создавали, зато приносили много пользы. Я наслаждался мирной жизнью и не уставал поражаться тому, насколько плодородна местная земля: растёт всё, что в неё не посадишь.

Никаких особых новаций в области связи в этот период сделано не было. Однако мне как специалисту было очень интересно познакомиться со старыми кадрами связистов, прожившими на Дальнем Востоке всю свою жизнь. Например, я очень сблизился с генерал-майором Хорёвым – начальником связи Дальневосточного военного округа. Мы много времени проводили в беседах за чашкой чая, и я убедился в том, что он знает буквально наизусть все линии связи, каждый телеграфный столб от Чукотки, Курилл, Сахалина до озера Ханка. Ему неоднократно предлагали высокие посты в Москве, но он упрямо отказывался. Похоронен он был также в тех краях, в Хабаровске.

В 1948 году меня перевели в Ленинград. Собрались мы очень быстро: имущества у нас было немного – несколько чемоданов да дочка. Наш поезд шёл две недели. За это время могла пройти целая жизнь: люди знакомились между собой, ходили из вагона в вагон друг к другу в гости, женились и разводились. Я же ехал и думал о том, каким близким кажется Дальний Восток из Москвы, и насколько далёкой Москва с Дальнего Востока. В Забайкалье бытует пословица: «Цветы здесь без запаха, женщины – без любви, 100 километров – не расстояние». Насчёт первых двух высказываний не знаю, однако с последним мог бы поспорить! Какими же бесконечными кажутся эти сотни километров, когда находишься вдали от дома...

Академия Связи и Туркестан

Я получил назначение в одну из трёх старейших российских военных академий – Ленинградскую Академию связи, которую сам ранее закончил. Мою кандидатуру рекомендовал маршал С.С. Бирюзов – командующий Приморским округом, где я проходил службу. Начальник войск связи маршал И.Т. Пересыпкин не возражал против этого, и приказ о переводе был подписан.

Я был назначен на должность старшего преподавателя кафедры тактики связи. Пришёл туда в звании подполковника, но вскоре возглавил кафедру и получил звание полковника. Многие из моих новых коллег были чистыми теоретиками, которым никогда в жизни не приходилось на практике руководить связью. Я высоко ценил их знания, однако мой жизненный опыт подсказывал, что голых знаний в этой области явно недостаточно. Через какое-то время мы проводили старых преподавателей в отставку и набрали новые молодые кадры – офицеров-связистов, вернувшихся с войны. Мы зажили спокойной, творческой жизнью.

Вскоре я защитил кандидатскую диссертацию о применении радиорелейной связи в армейской операции. По своему духу диссертация была новаторской. В отличие от немцев, широко использовавших радиорелейную связь в годы войны, у нас такого опыта не было: первые образцы радиорелейных станций начали применяться в наших войсках лишь ближе к победе. По моей инициативе в районе Мурома совместно с местным училищем

связи были проведены опытные учения, во время которых были получены очень интересные результаты. Позднее аналогичные учения были организованы в Одесском военном округе. Выводы, сделанные мной по итогам этих учений, и послужили материалом для диссертации. Она получилась удачной и стала известной в военных и научных кругах. В результате после очередных учений я был назначен начальником факультета, продолжая при этом в течение некоторого времени выполнять обязанности начальника кафедры.

В этот же период в моей жизни произошло ещё одно знаменательное событие. Мы с супругой возвращались из Сочи, где проводили свой отпуск. Когда поезд подошёл к Московскому вокзалу в Ленинграде, я увидел в окно, что на перроне выстроилось всё руководство факультета. Я очень удивился и даже немного встревожился: не случилось ли что. Но когда мы с женой сошли с поезда, все бросились меня поздравлять. Оказывается, за время нашего отсутствия мне было присвоено звание генерала-майора. Мне тогда было 34 года.

Я сразу хочу сказать, что никогда за званиями и медалями не гнался и никаких ходатайств на эту тему не писал. Меня просто это не занимало. Например, в академии мне много раз предлагали присвоить звание профессора, позднее – защитить докторскую диссертацию и даже написать её за меня, а сейчас приглашают стать почётным членом Международной Академии Связи, но я неизменно отказываюсь. Аналогично во времена службы в Министерстве обороны и в Генштабе меня уговаривали стать депутатом Верховного Совета СССР и РСФСР, но я не мог взять на себя такую ответственность, понимая, что, займись я этим всерьёз, пострадает моя работа. Да и разве я принёс бы больше пользы стране, если бы стал доктором наук или депутатом?

Когда мы жили в Ленинграде, я часто с большим удовольствием посещал Русский музей. Особенно мне нравилась

одна картина – «Заседание тайного совета» кисти И.Е. Репина. Это огромное величественное полотно, занимающее все стены большого круглого зала. Члены тайного совета -представители благородных фамилий – решали насущнейшие для жизни страны вопросы, связанные с её безопасностью и процветанием. Репин изобразил историческое заседание тайного совета, когда Петру I – создателю русского флота и победителю в сражении при Гангуте – было отказано в присвоении адмиральского звания. Мотивировано это было тем, что у него уже есть одно родовое звание – царь и военное – полковник. Члены тайного совета единодушно решили, что этого вполне достаточно, и с тех пор цари у нас были в военном звании не выше полковника. Этот малоизвестный исторический факт весьма поучителен. Я считаю, что такой подход совершенно правильный. Зачем увешиваться побрякушками? Если ты хорошо делаешь своё дело, тебя и так будут уважать, а знаками отличия, если не умеешь руководить, дела не поправишь! Я все свои ордена и медали отдал детям: пускай хранят. А мне это ни к чему... Я бы не хотел в этих вопросах уподобляться некоторым нашим государственным и военным деятелям.

Я проработал в академии почти десять лет. Раз в год мы проводили военные игры – исследовательские учения. В них всегда принимали участие представители Министерства обороны, а руководил ими начальник войск связи маршал И.Т. Пересыпкин. Это было очень ответственное и трудное мероприятие. По картам и на основе тщательного анализа различной документации мы должны были принимать решения по организации связи в заданной оперативной обстановке. После одного из таких учений маршал И.Т. Пересыпкин заинтересовался мною и предложил перейти на ответственную должность в его аппарат. Я подумал и отказался. Мне хотелось обратно в войска.

Каким бы культурным и умным ни был коллектив людей в академии, меня утомляло присутствовавшее там закулисное лукавство и

подсиживание. Постоянно возникали склоки по поводу плагиата, отношения нередко выходили за рамки должностных. Научные споры часто переходили в личностные конфликты. На фронте с подобными ситуациями мне никогда не приходилось сталкиваться. Напротив, весь корпус ликовал, когда командиру нашей танковой бригады генералу А.А. Асланову было присвоено звание Героя Советского Союза. На войне люди помогали друг другу, жертвовали собой ради товарищей и делились последним. Подлецы и трусы очень быстро проявлялись, и от них также быстро избавлялись разными способами. В академии же всё время возникали какие-то двойственные, малоприятные ситуации, в которых было непонятно, как себя вести.

Хочу в связи с этим рассказать один любопытный случай. Однажды хоронили одного отставного генерала, участника войны. Начальником заочного факультета академии в то время был некий генерал-лейтенант А.Д. Стрелков – человек умный, но при этом отъявленный мерзавец. Про Стрелкова говорили, что если он не делает кому-нибудь гадость, то, считай, день у него прошёл даром. И никто с этим ничего поделать не мог.

Так вот, похороны проходили по установленному порядку, собрался весь профессорско-преподавательский состав, при выносе тела заиграл оркестр... И тут Стрелков обращается к начальнику академии генералу П.Д. Мирошникову, очевидно, желая его уязвить: «Павел Дмитриевич, хороним заслуженного человека, генерала, а оркестр у нас больно мал.» Мирошников развернулся, посмотрел в упор на Стрелкова и спокойно ему ответил: «Ты только помирай, Андрей Дмитриевич, а мы уж тебя похороним по высшему разряду, не беспокойся...» И все, кто это слышал, восприняли ответ начальника с глубоким удовлетворением, зная, что из себя представляет Стрелков...

Шутка шуткой, однако отношения между людьми в Академии были очень непростыми, и, честно говоря, мне это было не по душе. В конечном итоге я подал рапорт о

своём переводе начальником войск связи в Туркестанский округ.

Сначала это никто всерьёз не воспринял. Как же так, я брошу уютную четырёхкомнатную квартиру в Ленинграде, место с хорошей зарплатой, пренебрегу грандиозными перспективами и уеду бог знает куда... Однако я твёрдо стоял на своём, и в конечном итоге был подготовлен приказ о моём переводе.

Оставив семью временно в Москве у родственников и купив им билет на поезд, я отправился на самолёте в Ташкент, принимать должность. Мой расчёт был прост: пока они доедут, я решу вопрос с жильём и прочие бытовые проблемы. Со мной летел генерал-майор Мирошниченко – начальник военных сообщений, заместитель председателя Совета Министров Узбекской ССР и афганский посол с жёнами, детьми и прислугой. Последние заняли полсамолёта. Из-за погодных условий самолёт долго не выпускали из аэропорта «Внуково», а затем посадили в Свердловске. Командование Уральского военного округа разместило нас в хорошей гостинице, выделило машину, и четыре дня мы осматривали местные достопримечательности и посещали театры. Наконец было дано добро на вылет, и мы отправились в путь. Летели мы почти сутки. Всю дорогу нас страшно трясло, и мы постоянно проваливались в воздушные ямы. Не обращая на это внимание, мы в первом салоне играли с командиром корабля в домино. Когда самолёт подлетел к Ташкенту, командира вызвали в кабину пилотов. Вернувшись через несколько минут, он сообщил, что Ташкентский аэродром закрылся туманом и наш самолёт летит на военный аэродром Ханабад, расположенный вблизи от областного узбекского центра города Карши. Я только вздохнул. Перед посадкой члены экипажа зашторили иллюминаторы и запретили в них смотреть, так как она предвещала быть сложной. В Ханабаде была только одна посадочная полоса из профилированного железа, не приспособленная для пассажирских самолётов.

Мы ощутили сильный удар. Самолёт затрясло. Когда мы ступили на твёрдую землю, то обнаружили, что резину с шасси как ножом срезало: самолёт чуть было не остался без «ног». В Карши нас принимали узбекские областные власти. Мы ужинали с ними до утра в Доме приёмов обкома партии. Когда рассвело, за нами прислали другой самолёт и мы отправились в Ташкент, где я только-только поспел к поезду, чтобы встретить жену. Ни о каком приготовлении к их приезду, конечно, не могло быть и речи, поэтому я был очень благодарен командующему округом генералу А.А. Лучинскому, который на первое время предоставил для меня и моей семьи расположенный к северу от Ташкента, рядом с дачами военного совета, дом бывшего заместителя царя, генерал-губернатора Туркестана – роскошный особняк с белым роялем в парадной зале, столовой на 30-40 персон, бассейном и виноградником.

Кстати, царь в принципе не делил страну на части по национальному признаку, только по территориальному. В Туркестан входили Таджикистан, Узбекистан, Туркмения и Киргизия. Казахстана тогда вообще не было. И я считаю, это был правильный подход. Не было никаких бунтов и забастовок. У национализма в принципе не было возможности поднять голову. При этом местное население не притеснялось, у него было право чтить свою культуру и общаться на родном языке, хотя русский язык играл объединяющую роль. Я уверен, что идея создания государства по национальному признаку была величайшей ошибкой Ленина, определившей те страшные последствия, которые мы имеем возможность сегодня наблюдать. Если бы не это, то не произошло бы развала Советского Союза, не было бы кровопролитных войн в Закавказье, права русских не ущемлялись бы местными националистами в бывших союзных республиках СССР. Хорошим примером здесь могут служить Соединённые Штаты Америки, построенные по допускающему наличие

этнических анклавов унитарному принципу, исключаящему какие-либо серьёзные национальные проблемы...

К моему величайшему сожалению, вскоре после моего прибытия А.А. Лучинского – в высшей степени умного и порядочного человека, прожившего в Туркестане всю жизнь и воевавшего там ещё с басмачами, уволили с должности. Произошло это самым отвратительным, с моей точки зрения, образом.

После снятия с поста маршала Жукова (Сталину показалось, что тот претендует на его лавры великого полководца) был созван окружной партактив, на котором выступил с пламенной речью первый секретарь ЦК КПСС Узбекистана. Вкратце суть его выступления сводилась к тому, что отдельные элементы не поддерживают решения правительства. Он явно имел в виду Лучинского, который относился к Жукову с почтением и, будучи человеком, готовым постоять за свои убеждения, не собирался менять свою точку зрения из-за новых веяний. Должен сказать, что сам я к Жукову относился более прохладно, так как он, несмотря на свой военный талант, был очень жестоким человеком, совершенно не ценящим человеческую жизнь. Вспомнить хотя бы взятие Берлина, когда многие тысячи советских солдат были посланы им на верную смерть, поскольку он, желая ослепить обороняющихся, включил в план операции указание осветить линию обороны немцев прожекторами, тем самым превратив наши наступающие войска в живые мишени... Как бы то ни было, позицию Лучинского я уважал, и когда почти весь зал в конце речи первого секретаря разразился бурными аплодисментами, хлопать не стал. Вскоре Лучинский получил приказ сложить полномочия командующего и прибыть в Москву для получения дальнейших указаний.

Самолёт, полагавшийся ему по должности, у Лучинского отобрали, и ехать он должен был поездом. Как ни странно, провожать его пришло всего два человека из штаба округа –

генерал-майор Мирошниченко и я. У меня от всего этого остался очень горький осадок...

Государство – это такая машина, которая может для своих целей размолоть человека и с этим ничего не поделаешь. Дело не в том, что при Советской власти было всё плохо, а сейчас хорошо. Такое происходит при любом режиме и строе: так было раньше, так есть сейчас и, возможно, будет всегда. Однако у каждого человека всегда остаётся свободный выбор, как ему поступить, и никакие внешние условия не могут служить ему оправданием. Предательство – страшная вещь, и с ним я не смогу смириться никогда...

Обосновавшись на новом месте, я сразу же приступил к ознакомлению с состоянием связи в округе. Начал я со 103-го окружного полка связи, который оказался в хорошем состоянии и порадовал меня высокой степенью боеготовности, должным уровнем воинского порядка и дисциплиной. Командовал им полковник Н.Г. Сигалаев, которого я впоследствии взял с собой в Ракетные войска, где он возглавил сначала полк связи, а потом и бригаду связи. Состояние остальных частей также было признано мной удовлетворительным.

Однако мною были выявлены и серьёзные недостатки. Например, не было по существу связи между Ташкентом, Самаркандом, Чарджоу, Мары, Тедженом, Ашхабадом, Кызыл-Арватом и Непетдагом. Мы совместно с руководством республик послали в Правительство СССР ходатайство о строительстве между этими городами стационарной радиорелейной и подземной кабельной линий связи. Наше предложение было рассмотрено положительно, — строительные работы включены в план.

Не дожидаясь этой манны небесной, я уговорил нового командующего округом генерала армии И.И. Федюнинского обратиться к НВС МО маршалу Пересыпкину с просьбой о выделении нам старых, но годных к работе радиорелейных станций Р-400. Через некоторое время мы их получили,

подремонтировали и построили осевую линию, расположив оконечные и промежуточные станции в военных гарнизонах. Активное участие в этом процессе принял офицер отдела инженер-подполковник П.М. Зингерман, заслуги которого я не могу не отметить. Радиорелейные станции выручали нас при обрывах существующей воздушной проводной линии, в результате чего была обеспечена надёжная связь между республиками и различными военными объектами. Построенная нами линия получила высокую оценку со стороны руководства двух союзных республик – Узбекистана и Туркмении.

Я прослужил в Туркестанском военном округе два года, занимаясь подготовкой войск связи. Служба в целом там была очень интересной, но при этом тяжёлой, поскольку действия войск в условиях песчаной пустыни (Каракумы) чрезвычайно затруднены, особенно ночью, когда отсутствуют какие-либо ориентиры. На оконечных узлах связи построенной нами радиорелейной линии приходилось создавать двухнедельные запасы воды. Что касается продовольствия, то его просто зарывали глубоко в песок под машины, чтобы оно не испортилось*.. Так что о каких-либо удобствах говорить не приходилось...

За эти два года я изъездил всю Советскую Азию, побывал в самых отдалённых её уголках. К тому времени было закончено строительство большого туркменского канала, соединяющего Амударью с Сырдарьей и впадающего в Каспийское море. Он орошал много акров земли, превратив часть Каракумской пустыни в плодородные земли. У нас там проходило много больших учений, в которых была задействована авиация, значительные группировки войск. Одно из них запомнилось мне в особенности.

Я сопровождал заместителя командующего Н.Г. Лященко. Руководя учениями, мы с ним исколесили всю пустыню и в какой-то момент выехали на берег канала на КП армии. Везде страшная сухость и жара, а там благодать – кристально-чистая ледяная вода, свежий воздух. Измученный

жаждой я выпил залпом пятнадцать бутылок минеральной воды, хотя делать этого было категорически нельзя: в пустыне лучше вообще много не пить, иначе сразу раскиснешь... Единственное исключение – раз в полчаса глоток зелёного чая без сахара, который здорово поддерживает обессиленный организм... Одним словом, мне стало плохо, я радовался тому, что учения подошли к концу, и мне уже не обязательно быть в форме.

На других учениях в районе Мары-Теджин-Кушка была впервые испытана система, являющаяся прообразом современной сотовой связи. Мы вместе с подполковником П.М. Зингерманом и В.Н. Титовым построили на радиорелейных линиях так называемую «решётку связи». Опыт дал положительные результаты. Мы применили этот метод ещё один раз, однако убедились в том, что его широкое использование требует огромных материальных ресурсов и финансовых затрат, в связи с чем на том этапе делать дальнейшие шаги в данном направлении представлялось нецелесообразными.

Во время учений мы неоднократно проводили испытания, зачастую успешные, линий дальней радиосвязи, базирующихся на мало-мощных станциях. Несмотря на то, что нам нередко удавалось получить устойчивую за счёт неоднородностей тропосферы связь с районами Ашхабада, Красноводска, Свердловска и многими другими, работу линий всё же было трудно прогнозировать по той простой причине, что тропосфера подчинялась не нам, а солнцу.

Путешествуя по Туркестану, я много общался с местными жителями, которые в целом относились к военным с уважением и неизменно оказывали необходимую поддержку. Мы тоже в свою очередь всегда с готовностью приходили им на помощь, стремясь к тому, чтобы наша работа способствовала всестороннему развитию республик.

Я не знаю, были ли наши усилия стопроцентно успешны. Порой меня посещала мысль о том, насколько незначительно

достижения современной цивилизации влияют на сложившийся годами местный уклад жизни. Приведу пример немного из другой области, однако, как мне кажется, он наглядно демонстрирует суть препятствий, которые неизменно возникали на пути у всего нового в этом регионе.

В Ашхабаде я познакомился с молодой туркменкой, секретарём комсомольской организации республики. Мы разговорились, и в порыве откровенности она пожаловалась мне на горькую судьбу. Из-за своей должности и образованности эта симпатичная девушка оказалась в смешной и дикой ситуации, когда невозможно познакомиться с молодым человеком и завести семью. Туркмену культурная жена не нужна, так как на Востоке женщина должна слушаться мужа, рожать детей и вести домашнее хозяйство. Высшее образование и высокие посты для этого лишь помеха. В результате я посоветовал своей новой знакомой спастись бегством из Туркмении, например, пойти учиться на курсы при ЦК КПСС, где много молодых мужчин, не скованных предрассудками. Последовала она моему совету или нет, я не знаю. Больше я о ней ничего не слышал...

В Ташкенте жена подарила мне младшую дочь. Когда мне её показали из окна роддома, меня чуть удар не хватил: она была совсем чёрненькая, и своим внешним видом напоминала негрятёнка. Однако спустя некоторое время, она стала обычной, светленькой русской девочкой... Мы с женой были крайне рады прибавлению в семействе, но при этом всерьёз опасались за безопасность нашего ребёнка. Дело в том, что тогда мы жили в глинобитном одноэтажном домике в центре Ташкента, где землетрясения от 3 до 5 баллов были обычным явлением. Почти каждую ночь нас трясло. Я выхватывал свою малышку из кровати, и мы бежали во двор дожидаться, пока это безобразие закончится...

Вскоре после моего перевода в Ракетные войска в Ташкенте произошло сильнейшее землетрясение, в результате

которого весь центр города – в том числе наша улица и дом – превратились в руины. Видимо, мои страхи были не такими уж беспочвенными.

Кстати, раз уж пришлось к слову, не могу удержаться, чтобы не рассказать следующий курьёзный случай. Мои ташкентские друзья поведали мне, что после знаменитого ашхабадского землетрясения в городе уцелело лишь одно здание – элеватор. Проектировавший его архитектор заложил в фундамент антисейсмический пояс, в результате чего удорожил строительство на 1 млн. рублей. За злоупотребление и разбазаривание государственных фондов бедняга был осуждён на 10 лет исправительных работ в лагере. После землетрясения его немедленно разыскали, амнистировали и назначили главным архитектором Ашхабада, который он уже восстанавливал с учётом сейсмостойкости зданий.

Подводя итоги двухлетней службы в Туркестанском военном округе, я могу с уверенностью сказать, что это прекрасная школа для связистов: я приобрёл бесценные знания относительно организации связи в экстремальных климатических и погодных условиях. Я ни на секунду не раскаиваюсь в принятом мной решении бросить всё и уехать в Азию.

Ракетные войска

В конце 1959 года меня вызвали в Москву. Я был назначен начальником войск связи Ракетных войск стратегического назначения. В то время Ракетные войска только-только начали создаваться, они ещё не имели строгой организации и «войсками», честно говоря, их можно было назвать лишь с большой натяжкой. Начальником штаба тогда был генерал-полковник М.А. Никольский, настоящий военный интеллигент и высококвалифицированный артиллерист. Непосредственно же процессом создания Ракетных войск руководил Главком, маршал артиллерии И.М. Неделин, которому во время Великой Отечественной войны подчинялись гвардейские миномётные части – «катюши».

После кровопролитной Второй мировой войны мы не собирались ни с кем воевать. Однако уже в 1946 году Уинстон Черчилль произнёс в Фултоне памятную речь, в которой призвал потенциальных союзников Великобритании, главным образом США, подготовить и начать новую войну на этот раз против Советского Союза. Таким образом, в мире определилась новая расстановка политических сил, а у нас обозначился очередной противник.

Нужно отметить, что отныне уже стоял вопрос не об обычной, а о ядерной войне. И в США, и в СССР активно велась работа над созданием ракет и ядерных боеголовок, с помощью которых можно было быстро и эффективно нанести по противнику сокрушительный удар. Об использовании обычного заряда

в ракетах речи не шло, так как ракета – это слишком дорогостоящий комплекс, чтобы отправлять её за многие тысячи километров с маломощной «начинкой», не способной причинить врагу серьёзного ущерба.

В действительности в первые послевоенные годы США и Великобритания не имели реальной возможности начать против нас войну по той простой причине, что против них восстало бы население свободной Европы, в памяти которого ещё были живы ужасы прошлых лет. Однако руководство нашей страны хорошо понимало, что для сохранения военного паритета и репутации СССР как великой державы, нам необходимо создать мощную систему обороны, неотъемлемой частью которой явились бы Ракетные войска стратегического назначения.

Вначале США удалось в этой области вырваться вперёд. На самом деле первыми работу над ядерным оружием и ракетами начали немцы, которые в полную силу использовали интеллектуальный потенциал выдающихся учёных, преимущественно еврейского происхождения. Но американцы ещё во время Второй мировой войны многих из них выкрали и переправили к себе, а в некоторых случаях даже выкупили у немцев и их союзников. В результате США первыми произвели на полигоне штата Невада атомный взрыв, а в 1945 году уничтожили с помощью нового оружия японские города Хиросима и Нагасаки. В 1948 г. в планы Пентагона входило сбросить 200 атомных бомб на 70 советских городов, в 1949 г. – 300 бомб на 100 городов, далее эти цифры стремительно увеличивались.

Однако мы недолго отставали от американцев и вскоре уже шли с ними вровень. Советскому Союзу в качестве трофеев достались немецкие разработки – ракеты Фау-1 и Фау-2, которыми Германия во время войны обстреливала Англию. Используя опыт немецких учёных, наши учёные в кратчайшие сроки создали свою версию ракет, которые в отличие от немецкого прототипа несли ядерные

головки и обладали большей дальностью полёта. Над созданием советского ядерного оружия работали многие научные институты и такие светила науки, как академики И.В. Курчатов и Ю.Б. Харитон, математическими расчётами занимался академик А.Д. Сахаров и целый ряд других видных советских учёных. С именами академиков С.П. Королёва и М.К. Янгеля связано создание средств доставки ядерного оружия.

В 1949 году мы официально заявили мировому сообществу о наличии у нас атомного оружия, В 1953 году мы поразили весь мир, первыми создав и испытав водородную бомбу, и тем самым окончательно упрочили свои позиции как великой державы. А ближе к концу 50-х годов началось активное размещение советских ракет группового старта в западной части нашей страны – в районах Плесецка, Тюра-Тама и Капустина Яра – а затем и в других районах.

На этом этапе СССР уже представлял реальную угрозу для стран Европы и США. Генеральными штабами СССР и США начала тщательно разрабатываться доктрина ядерной войны. Нужно отметить, *что мы всегда отвергали возможность нанесения первого удара, хотя она изучалась, и у нас, конечно, имелись соответствующие планы. Однако, в первую очередь, ядерное оружие рассматривалось как оружие сдерживания: США и их союзники, зная о нашем военном потенциале, не могли оказывать на нас явного политического давления.

Принцип, лежащий в основе ядерной войны, был предельно прост: если противник запустил ракеты, а мы своевременно не обнаружили этого и не ответили на удар, то войну мы проиграли. Но если нам удалось своевременно засечь ракеты противника и нанести ответно-встречный или ответный удар, причинив ему при этом большой ущерб, то победу не одержит никто. В связи с этим очень серьёзно вставал вопрос о том, у кого будут выше технические возможности для оперативного запуска ракет. Если бы у нас был в этой

области явный перевес, то никто бы не осмелился нас атаковать.

В первую очередь, конечно, нужно было работать над техническим совершенствованием самих ракет и одновременно создавать соответствующую систему управления, так как, сэконобив время на подготовке ракет к пуску, но не обеспечив быстрого доведения команд на их запуск до пусковых установок, мы бы ничего по крупному счёту не достигли.

Следовательно, в фокусе нашего внимания оказались состояние системы раннего обнаружения и организация системы управления от Верховного Главнокомандования до пусковых установок Ракетных войск. Обеспечение успешного функционирования обеих этих систем в значительной степени определялось имеющимися в наличии соответствующими техническими средствами связи и управления. Особенно высокие требования предъявлялись к надёжности и скорости доведения команд. До сих пор связисты с такими проблемами не сталкивались.

Таким образом, передо мной встала ответственная задача добиться эффективного управления Ракетными войсками, для чего создать принципиально новую автоматизированную систему управления и обеспечить высококачественную, достоверную и надёжную связь.

К моменту прибытия в Перхушково, в Главный штаб Ракетных войск, я начитавшись газет и наслушавшись радио, уверовал в существование на центральном командном пункте некой кнопки, одним нажатием которой можно якобы запустить ракеты. Поэтому, оказавшись на месте, я первым делом отправился на её поиски. А нужно сказать, что весь штаб Ракетных войск тогда размещался в двухэтажном здании с небольшой пристройкой для узла связи. Во времена Великой Отечественной войны это здание принадлежало штабу дальней авиации.

И вот хожу я по комнатам и, наконец, попадаю в оперативный зал. Это было довольно просторное помещение – площадью

около 200 квадратных метров. Посреди стояли два составленных вместе канцелярских стола. На них красовались два телефонных аппарата -городской и местный. Вот к чему сводилась в то время вся система боевого управления Ракетными войсками! И тут я понял, что для осуществления поставленной задачи потребуются многие годы напряжённого труда научных, производственных и строительных коллективов, а также многомиллиардные финансовые вложения, одним словом – объединённые усилия всего государства в целом.

Однако это меня не остановило, и я начал действовать. Для начала мы организовали разветвлённую телефонную связь, для которой использовались преимущественно гражданские телефонные и телеграфные проводные линии. Также мы приступили к проектированию и строительству собственных радиоцентров, а пока их не было, получили разрешение на использование передатчиков и приёмников действующих радиоцентров Генерального штаба, Военно-Морского Флота, дальней авиации и ПВО. Обеспечили их работу на нескольких частотах с целью надёжного доведения коротковолновых сигналов до каждого командного пункта в районах размещения Ракетных войск. В местах дислокации ракет мы разместили радиоприёмные средства. Сначала передача происходила вручную: работали передатчики, управляемые одним ключом. В дальнейшем система была автоматизирована: ключ заменили перфорированной лентой, обеспечившей более высокие показатели по надёжности и скорости передачи сигнала.

Разумеется, поскольку мы не находились в состоянии войны, все передаваемые сигналы были учебными. Учения и тренировки шли постоянно – и днём, и ночью. Это позволяло поддерживать систему управления в постоянной боевой готовности. При этом в ряде случаев производилась полная имитация пуска ракет вплоть до открытия шахт, в которых размещались появившиеся к тому моменту

твердотопливные ракеты. Единственное, что, естественно, не делалось, это не использовались боевые шифры.

Позднее, когда количество ракетных частей возросло, на повестке дня очень остро встал вопрос о создании более совершенной централизованной автоматизированной системы управления.

В тот период со мной произошёл любопытный эпизод, подтвердивший эффективность наших усилий и оказавший влияние на дальнейшее развитие связи в нашей стране.

К нам в Перхушково впервые приехал с проверкой Министр обороны Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский. Это был очень умный, высокой культуры человек, опытный военачальник. В чём-то он даже напоминал мне лучших царских генералов – свободно говорил на нескольких языках, обучался во французской академии, прекрасно разбирался в искусстве. Кроме всего прочего, он умел правильно оценивать обстановку и смело принимать волевые решения, не боясь старших командиров. Если он видел здоровое зерно в том, в чём пусть сам даже не очень разбирался, то никогда не чинил препятствий и всегда оказывал необходимую поддержку.

К моменту его визита нам уже удалось внедрить в обращение некоторые элементы автоматизированной системы. Например, благодаря предварительной записи сигнала на бумажную ленту, вставленную в лентопротяжный механизм, постоянное наличие рабочего напряжения на всех передатчиках и централизованное включение анодного напряжения, мы установили бесперебойную радиосвязь со всеми командными пунктами. Также у нас была прямая телефонная и телеграфная связь (засекреченная, с гарантированной стойкостью) с каждой ракетной дивизией.

Нужно отметить, что Малиновский, как и многие другие советские военные руководители, относился к вопросам связи с некоторым недоверием. Об этом я уже немного говорил, но у Малиновского имелись на то и собственные

причины. Дело в том, что во время войны, ему доводилось сталкиваться с ситуациями, когда связисты, если им не удавалось установить связь, просто-напросто имитировали её наличие. Например, кто-то из них брал молчащую телефонную трубку и говорил в неё: «Алло, мы вас слушаем... Будете говорить с таким-то...». А потом, когда трубка переходила к Малиновскому, никакого командира, естественно, на проводе не было. Связист разводил руками: «Кабель оборвался...» Проверить это по ряду причин было трудно, но с тех пор Малиновский при слове «связь» настораживался, хотя сопровождавший его на войне маршал войск связи А.И. Леонов, о котором я скажу ещё несколько слов в дальнейшем, был ему хорошим другом.

Действие развивалось в зале боевого управления. Малиновский, не теряя времени даром, взялся за меня: «Ну, товарищ Белов, соедините-ка меня с командиром 24-й ракетной дивизии». Я ему отвечаю: «Есть, товарищ маршал...» – и – дежурному: «Выполняйте». Через полминуты по громкой связи (я специально включил громкую связь) раздаётся голос: «Командир 24-й дивизии Вас слушает...» Малиновский поднял брови: «А, это, правда, он?» И спросил в трубку: «А как Ваше имя-отчество? А где Ваша часть находится?». Видимо, маршала ответ удовлетворил, но на этом он не успокоился. Он прошёлся взглядом по карте и попросил соединить его ещё с несколькими командирами, что было незамедлительно сделано. Таким образом, первое испытание мы успешно выдержали.

Затем Малиновский приказал мне передать всем войскам по радиосвязи учебный сигнал. И опять я ему: «Слушаюсь, товарищ маршал» – и говорю оперативному дежурному: «Выполняйте». Малиновский нахмурился: «Я же Вам сказал это сделать...» Я не согласился: «Товарищ маршал, по боевому расписанию это функция оперативного дежурного, который имеет соответствующую аппаратуру. А организовал эту систему я. Сейчас всё будет сделано». Пока мы так меньше минуты переговаривались,

на электронном табло дислокации Ракетных войск, высветился сигнал: такая-то информация прошла на такой-то частоте. Малиновский тут же ухватился за это: «А кто сигнал не принял?» Есть такая часть... Почему не приняли? Звоним – узнаём. Какие-то технические неполадки, сейчас будут устранены. Тут Малиновский взорвался: «Вы меня обманываете! Не может быть такого, чтобы связь так чётко и бесперебойно работала! А ну-ка покажите, откуда сигналы передаются». И мы пошли с ним в помещение, откуда подавался сигнал. Там находился пульт, к которому подключались все передатчики, задействованные в данный момент в системе. Поворотом тумблера дежурный включал нужное рабочее напряжение и запускал ленту в механизм передачи... Таким образом, оказывались задействованы все зоны. Малиновский посмотрел-посмотрел, наверное, не всё понял, но убедился, что я его не обманываю. И с тех пор вопросов у него к связистам не возникало. Подобная ситуация возникла впоследствии и с Маршалом Советского Союза А.А. Гречко, когда он посетил командный пункт Ракетных войск. Никто из военачальников сперва не мог поверить в то, что такое возможно.

В 1960 г. Неделин поехал на испытания новых ракет и трагически погиб – сгорел заживо при пробном пуске. Нарушил собственные инструкции, чего делать было категорически нельзя.

На смену ему пришёл маршал К.С. Москаленко, который до этого командовал Московским военным округом. По своему характеру Москаленко очень отличался от Неделина. Неделин был жизнерадостным, весёлым и немного безалаберным человеком. Для Москаленко были характерны высокая дисциплинированность, педантичность и хладнокровие. Причём «хладнокровием» и в прямом смысле этого слова. Температура его тела была порядка 35 градусов. Я как-то ездил к нему с докладом в Крым, так

он при 30-градусной жаре сидел под тентом на пляже в меховой жилетке, укрывшись махровым полотенцем...

Неделин обожал всяческую технику. У него в кабинете на столе стоял специально разработанный нами сложный пульт с многочисленными кнопками, магнитофонами и громкоговорящей связью. С его помощью Неделин мог напрямую общаться со всеми своими подчинёнными. Маршал постоянно требовал, чтобы мы следили за пультом, доводили его до ума. Стоило Москаленко после своего назначения попасть в кабинет Неделина, как пульт «приказал долго жить».

В один прекрасный воскресный день, когда личный состав отдыхал, а я спокойно работал с документами, меня срочно вызвали к Главкому. Подхожу к его кабинету, а из-под двери валит дым. Не знаю уж, как Москаленко это удалось, но пульт у него загорелся. Он велел немедленно его убрать и оставить лишь два правительственных телефона и громкую связь для переговоров с адъютантом.

Склонность Москаленко к простоте, порядку и педантизму сослужила хорошую службу Ракетным войскам. Если Неделина можно по праву считать «отцом-основателем» ракет и ракетных установок, то при его преемнике Ракетные войска были оформлены в стройный военный организм, имеющий чёткую организационную структуру и подчинённость. Они были поделены на боевые единицы -полки, дивизии, корпуса и армии, при них были созданы военные советы и штабы, везде были назначены командиры и командующие, были определены позиционные районы ракетных полков и дивизий и введено в обращение само это понятие.

Другими словами, Москаленко подготовил основу для принятия правильных организационных и оперативно-технических решений в области управления и связи.

Однако наше сотрудничество с ним на начальном этапе складывалось непросто.

Вскоре после своего назначения Москаленко отправился с проверкой в город Свободный, в Забайкалье, где на бывшем месте дислокации 6-й танковой армии, принимавшей участие в Квантунской операции, строился позиционный район дивизии ракет с одиночным стартом. Сразу же после его возвращения меня срочно вызвали к нему. Дело было снова в выходной день. Войдя к нему, я увидел, что у него собрался военный совет в полном составе. Москаленко, не предложив мне сесть, тут же зло произнёс: «Какой Вы генерал? Вам не связью командовать, а сортиры чистить. Даже разговаривать с Вами не хочу. Приезжаю я в дивизию и иду к командиру (а тот как раз занимал бывший кабинет командующего 6-й танковой армией). Спрашиваю его, есть ли у него правительственная связь, есть ли связь с Главным штабом Ракетных войск, а тот молчит». Далее маршал сердито продолжил: «Я смотрю на стол, а у него оттуда два провода торчат. Вы даже телефоны не удосужились подключить! Уходите. Вас нужно снимать с должности и увольнять». Я в ответ промолчал, но внутри у меня всё кипело. То, что сейчас сказал маршал, было вопиющей несправедливостью с его стороны.

Несмотря на все достижения в области военной связи, недоработок оставалось очень много. Главным образом, они происходили из-за недопонимания высшим военным руководством роли и содержания связи. Считалось, что при подготовке любого военного объекта, всё нужно спроектировать, в нашем случае – техническую позицию, шахтную пусковую установку, командный пункт, кабели дистанционного управления пуском ракет. Это всеми безоговорочно признавалось. Зато когда дело доходило до связи, без которой управление войсками было неосуществимо, то почему-то считалось, что в неё денег вкладывать не нужно, что она приложится сама собой.

В Свободном просто не могло быть оперативной военной связи! Все триста километров телефонной линии между Свободным и Читой были разобраны местными жителями.

Столбы спилены на дрова, провода тоже, очевидно, пригодились в хозяйстве.

Подобная ситуация была характерна для многих командных пунктов, в том числе и для полигона Плесецк. Связь с ними, как правило, осуществлялась через телефонистку на «открытом» местном узле связи. Не говоря уже о секретности информации, у той был то перерыв на обед, то она вечером отправлялась мужа ужином кормить. Как в таких условиях обеспечивать какую бы то ни было боеготовность?

Итак, Москаленко не на шутку рассердился и пригрозил отстранить меня от должности, снизить в звании и уволить из армии. Я ушёл к себе и думаю: «Как объяснить ему, что связь – это не телефонный аппарат, а сложная комплексная структура, требующая в масштабе страны огромных денежных вложений?» Я принял решение обратиться с этой проблемой через Комитет Госбезопасности к Генеральному секретарю. Председателю Совета Министров, и, для меня в первую очередь, Верховному Главнокомандующему Н.С. Хрущёву. Я пригласил к себе своего товарища, впоследствии первого заместителя председателя Комитета Госбезопасности Г.К. Цинева, курировавшего в то время Вооружённые Силы страны и Ракетные войска в том числе. Всё ему объяснив, я попросил в его лице Комитета Госбезопасности доложить Н. С. Хрущёву о плачевном состоянии связи в Ракетных войсках и его причинах. Цинев согласился помочь. Я тут же подготовил для него служебную записку в виде доклада, в которой написал, что за всё время существования Ракетных войск в связь не было вложено ни копейки, что ни один проект военного комплекса не сопровождался проектом связи, что ни под одной миллиардной сметой нет подписи начальника войск связи. Г.К. Цинев сработал оперативно, и в тот же день записка за подписью председателя КГБ, миновав все инстанции, легла на стол к Хрущёву.

На следующий день в 12 часов Москаленко был вызван в Кремль. Встреча была недолгой, и уже в 14 часов мне передали, что меня ищет Главком. Я опять иду к нему в кабинет, злой, как чёрт. Но держусь. Только я открыл дверь, как Москаленко снова начал меня отчитывать: «Я Вам вчера говорил, что вы не начальник связи, а непонятно кто? А сегодня меня Хрущёв к себе вызвал, показал мне записку из КГБ и дал мне срок, чтобы я исправил ваши недоделки!» Тут я не выдержал: «Причём тут недоделки, товарищ маршал? Деньги давайте на связь! Закладывайте связь в проекты! В таких условиях от меня трудно чего-то ожидать!» А потом я добавил: «Знаете, кто письмо для Хрущёва писал?» Тот не ожидал подобного вопроса: «Нет, а кто?» – «Я! И говорить нам больше не о чем». Маршал опешил от неожиданности – как это так, что я сам на себя донос написал? А я закрыл за собой дверь. За мной выскочил адъютант Москаленко и попросил вернуться в кабинет. Маршал к тому времени заметно поостыл и заговорил со мной совсем другим тоном: «Андрей Иванович (даже по имени-отчеству назвал), не горячись... Прости меня, старика... Давай без обид всё мирно обсудим... Всё исправим...» Я ему всё объяснил, и вскоре между нами установилось полное взаимопонимание: он безоговорочно давал деньги на связь и ни один ракетный проект больше не утверждался без моей подписи.

Этот, на первый взгляд, не очень существенный эпизод из моей биографии имел огромное значение для развития связи в нашей стране.

Через некоторое время после этого эпизода нами совместно с Министром связи Н.В.Талызиным было подготовлено несколько постановлений ЦК и Совета Министров, на основании которых началось комплексное развитие средств связи в стране и Вооружённых Силах с приоритетным учётом потребностей управления Ракетными войсками. По всей стране прокладывались кабельные магистрали, была создана радиорелейная и тропосферная связь.

Также в результате совместных научно-исследовательских работ, проведённых институтами Министерства обороны и промышленности в 1962-64 гг., впервые была продемонстрирована возможность создания военных систем спутниковой связи. Я и мои подчинённые Г.И. Чигогидзе, Н.В. Рытвинский, А.А. Недин, А.В. Гаркавенко принимали самое непосредственное участие в руководстве этим процессом.

Очень важно отметить, что эти линии связи проектировались, строились и в дальнейшем использовались не только для военных, но и гражданских целей. Строить отдельные линии связи для каждого потребителя было бы слишком дорого и нецелесообразно. Здесь шла речь даже не о миллионах, а о многих миллиардах рублей. Прокладывая кабели и оборудуя защищённые узлы связи для Ракетных войск, мы старались, чтобы это было полезно и для народного хозяйства.

Для решения этой задачи были привлечены многие научно-исследовательские, проектные институты, промышленные предприятия, Министерство обороны, Министерство связи, Министерство радиопромышленности. Помимо Н.А. Талызина, огромный вклад внесли такие видные деятели, как В.А. Шамшин, В.Д. Калмыков и многие другие. Благодаря эффективному сотрудничеству между различными организациями и государственными ведомствами были обеспечены связью район Архангельска, Урал, Сибирь, Казахстан, Дальний Восток, другие отдалённые регионы страны.

Причём, учитывая необходимость непрерывной и устойчивой связи при ядерной войне, она обеспечивалась на очень высоком уровне. Например, была предусмотрена автоматическая система резервирования, что означает следующее: если какой-то участок выходил из строя, то на его место автоматически, без участия оператора, подставлялся другой, исправный канал.

В момент моего прихода в Ракетные войска всего этого не было даже в планах...

Через пару лет, когда первый этап развития связи был пройден, по согласованию с Главкомом, я собрал всех крупных учёных из Минобороны и промышленности и изложил им разработанные нами требования к автоматизированной системе управления Ракетными войсками. Содержание моей речи можно кратко свести к следующему.

Наши ракеты должны находиться в боевой готовности, соизмеримой с готовностью противника. Если ракетно-ядерный удар наносился бы США, то на подлёт ракет к основным регионам Советского Союза потребовалось бы от 22 до 26 минут. С появлением же в Европе «Першингов», а впоследствии крылатых ракет, подлётное время до Москвы сократилось в среднем до 8 минут. Не успев оперативно отреагировать, мы рисковали потерять свои ракеты до нанесения ответного удара. Соответственно в этой ситуации значение системы управления войсками возросло до уровня прямого боевого значения. Оперативная, надёжная и достоверная связь позволяла нам сэкономить бесценные минуты и даже секунды, не имея в запасе которых мы могли бы проиграть войну.

После нашей встречи над этой проблемой начали работать сразу три «фирмы» – НИИ автоматической аппаратуры (представленное академиком В.С. Семенихиным), НИИ-4 Министерства обороны (доктор наук ВТ. Долгов) и ОКБ «Импульс» Ленинградского Политехнического института (Т.Н. Соколов). Мы пристально следили за ходом работ. Я был назначен председателем комиссии, и в январе мне уже доложили о результатах. Академик Семенихин предложил макетные образцы элементов, работающие на транзисторах, которые в силу своей примитивности не могли обеспечить требуемую надёжность. Профессор Соколов выдвинул альтернативный вариант-макеты, изготовленные на сложных электронных платах с феррит-ферритовыми ячейками, залитыми специальной

компаундной массой. Последние были менее быстродейственны, зато обладали высочайшей надёжностью.

Их явное преимущество было подтверждено во время испытаний в районе Ракетных войск, включавшем сотни ракет одиночного старта. Однако академика Семенихина это ни в чём не убедило. Он очень горячился, доказывая, что его система прогрессивная, а та – «дубовая». Дело множество раз разбиралось в промышленности, в Министерстве обороны, на правительственном уровне и даже в ЦК КПСС. Процесс был мучительный и нервный, особенно учитывая тот факт, что Семенихин был родственником Министра обороны Д.Ф. Устинова, который, следуя жизненному принципу «везде должны быть свои люди», стоял за него горой. Но, в конце концов, к моему большому удовлетворению, система Соколова – сугубо гражданского человека – была принята на вооружение.

Она оказалась действительно сверхнадёжной и используется до сих пор, вырабатывая 4-й гарантийный ресурс. В настоящий момент ОКБ Соколова работает над модернизацией системы путём замены феррит-ферритовых ячеек современными элементами, и её старый вариант уже обновлён на 15-20 процентов.

Ближе к концу своей службы в Ракетных войсках я принимал участие в работе по созданию системы дистанционного управления ракетами в позиционном районе. Это было вторым логическим этапом работы над системой управления Ракетными войсками. С этой целью была создана комиссия, которую мне вновь было поручено возглавить. В конкурсе так же, как и в прошлый раз, приняли участие КБ Соколова и НИИ автоматической аппаратуры под руководством В.С. Семенихина. Задача вновь оказалась не из простых, а процесс её осуществления – на редкость нервным и изматывающим. Ракетно-пусковые установки позиционного района, объединяющего несколько ракетных полков, соединены с командными пунктами сложной сетью кабелей, при этом умная автоматизированная система

должна сама выбирать оптимальный путь доступа сигнала к ракетной установке. Основная цель данной системы – это в случае необходимости сделать возможным пуск ракет с командных пунктов полков, соединений и объединений, а также Генштаба, что обеспечивало большую манёвренность и эффективность системы управления.

Естественно, что здесь также определяющими факторами являлись высокие надёжность и имитостойкость системы. В противном случае любой диверсант мог бы подключиться к кабелю и спровоцировать пуск ракет и тем самым войну. Н.А. Пилюгин и В.С. Семенихин предложили использовать систему с очень простым шифром – на уровне «пятая страница, третья строчка сверху». Соколов же применил автомат случайных чисел, ежесекундно меняющий шифр. Понимая, что вариант Пилюгина – Семенихина не годится, я собрал молодых ребят-инженеров, и они в течение одной ночи создали под него пусковое устройство на основе диска номеронабирателя телефонного аппарата! В итоге конкурс выиграл всё тот же конструктор Соколов. На основе испытаний мы совместными усилиями отладили систему дистанционного управления, и на этом моя непосредственная служба в Ракетных войсках закончилась.

За руководство созданием автоматизированной системы управления Ракетными войсками я получил Государственную премию. За годы моей службы связь и управление в Ракетных войсках приобрели совершенно новые, качественные показатели, отвечающие современным требованиям, а я в свою очередь получил бесценные практические и теоретические научно-технические знания, которые мне очень помогли в дальнейшем при работе над созданием автоматизированных систем управления всеми ядерными силами нашей страны.

Войска связи Министерства обороны

В апреле 1968 года я был назначен первым заместителем начальника войск связи Министерства обороны СССР (НВС МО СССР).

Управление НВС МО в то время размещалось в так называемом 3-м доме Министерства обороны на Фрунзенской набережной. Начальник войск связи Министерства обороны, маршал войск связи А.И. Леонов, занимал в нём большой кабинет, в котором во время войны и в первые послевоенные годы работал его предшественник – уже упомянутый мной маршал войск связи И.Т. Пересыпкин, совмещавший пост начальника Главного управления связи Красной Армии с должностью Наркома связи СССР и одновременно заместителя Наркома обороны СССР.

До меня первым заместителем начальника войск связи Министерства обороны был генерал-полковник И.Т. Булычев – старейший связист в нашей армии (он родился в 1897 году и умер в 1999 году в возрасте 102 лет). Генерал-полковник И.Т. Булычев обладал огромным военным опытом: участвовал в штурме Зимнего Дворца, прошёл всю гражданскую войну, во время Великой Отечественной войны обеспечивал связью генерала армии Г.К. Жукова в операции под Ельней (оборона Москвы), руководил войсками связи Калининского фронта, 1-го Прибалтийского фронта и 1-го Украинского фронта. Когда Г.К. Жуков принимал 1-й Белорусский фронт, он вновь затребовал к себе генерала И.Т. Булычева, и тот руководил связью в

Берлинской и Пражской операциях. Иван Тимофеевич Булычев был очень скромным человеком. Я испытывал к нему огромное уважение. Именно поэтому, когда меня 25 апреля 1968 года приказом Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского перевели с должности начальника войск связи Ракетных войск стратегического назначения на должность первого заместителя начальника войск связи Министерства обороны, я сильно волновался, чувствуя ответственность перед своим предшественником.

Буквально в первые же дни после моего назначения мне стало ясно, что фактически основным лицом в Управлении начальника войск связи Министерства обороны является не маршал А.И. Леонов, а некий генерал-лейтенант Г.А. Омельченко, в принципе человек невоенный, хотя хорошо образованный и умный. Через него проходили все вопросы и документы, адресованные начальнику войск связи. Все распоряжения маршала А.И. Леонова также отдавались только через него.

Ознакомившись с работой управлений и отделов НВС МО, частей связи центрального подчинения, управлений связи групп войск, военных округов, флотов, воздушных армий и объединений ПВО, я пришёл к твёрдому убеждению, что со стороны НВС МО должного руководства войсками и силами не осуществлялось. Всё сводилось в основном к плановой текущей работе, и каких-либо усилий для повышения полевой выучки войск и их роли в управлении, а также совершенствования самой системы связи и управления, в целом не предпринималось. Таким образом, маршал А.И. Леонов по существу играл роль свадебного генерала, что же касается Г.А. Омельченко и некоторых других приближённых к маршалу А.И. Леонову лиц, то их личные и профессиональные качества оставляли желать лучшего.

Хорошо изучив данную ситуацию, я пригласил к себе генерала Г.А. Омельченко и попросил его ознакомить меня с основными проблемными вопросами, которые решаются

аппаратом НВС МО. Ответ генерала весьма меня удивил. Он заявил, что главной задачей Управления является подготовка ежегодного итогового сбора руководящего состава войск связи Вооружённых Сил и доклада на нём маршала А.И. Леонова. Что-либо ещё Г.А. Омельченко доложить мне не сумел. Более внимательно ознакомившись с содержанием и методами работы Управления, я понял, что никакие проблемные вопросы, имеющие непосредственное отношение к развитию связи в Вооружённых Силах, аппаратом НВС МО не решаются. Поразило меня также и то, что один из заместителей маршала А.И. Леонова - генерал-лейтенант П.Н. Кияница фактически является помощником по связи Главнокомандующего Сухопутными войсками Маршала Советского Союза В.И. Чуйкова.

Тогда я вновь пригласил к себе генерала Г.А. Омельченко и был вынужден дать ему указание, чтобы впредь все документы, идущие на подпись маршалу А.И. Леонову, а также все докладываемые ему вопросы сначала согласовывались со мной. А ещё я настойчиво попросил его довести до начальников управлений мои требования относительно того, чтобы все подразделения аппарата НВС МО разработали в объёме своих задач мероприятия по совершенствованию связи и управления Вооружёнными Силами и представили мне предложения для рассмотрения и корректировки с целью последующего доклада мною маршалу А. Леонову. Г.А. Омельченко весьма обеспокоился таким поворотом разговора. Но разве я мог сказать ему что-то другое? Если наши взгляды на руководство связью принципиально расходились, то нам не оставалось ничего иного, как прекратить совместную работу. Генерал доложил суть нашей беседы маршалу А.И. Леонову. Он был весьма огорчён и вызвал меня к себе. Я объяснил маршалу суть дела. Сказал, что в таких условиях связь развиваться не может, и потребовал увольнения Г.А. Омельченко. Алексей Иванович, скрепя сердце, на это согласился,

Войска связи Министерства обороны

Г.А. Омельченко был освобождён от должности и уволен в запас.

Я настойчиво предложил маршалу А.И. Леонову отдать указание о согласовании оперативных и перспективных планов работы со всеми видами Вооружённых Сил, главными и центральными управлениями Генерального штаба и Министерства обороны, с Министерством связи, после чего немедленно приступить к подготовке исполнительных документов. Руководство всем этим процессом я был готов обеспечить. В силу преклонного возраста и предыдущего служебного опыта маршал А.И. Леонов не решился взяться за эту огромную и трудоёмкую работу и через некоторое время обратился к руководству Вооружённых Сил с прошением об отставке. Его просьба была удовлетворена, и в 1970 году он был переведён в группу генеральных инспекторов Министерства обороны, а я был назначен начальником войск связи Министерства обороны СССР и приступил к осуществлению ранее намеченных целей.

Внедряемые мной нововведения были уже эффективно опробованы в Ракетных войсках стратегического назначения, дав свой позитивный результат.

Прежде всего я был вынужден потребовать от офицеров Управления более высокой личной дисциплины и чёткого исполнения приказов и указаний начальников. Мною был утверждён новый распорядок дня, согласно которому все генералы и офицеры должны были быть на рабочих местах в служебное время, предусмотренное директивой Министра обороны. Генералам и офицерам, имевшим срочные задания, дозволялось работать и во внеслужебные часы, заранее доложив об этом своим начальникам. Разрешение на работу в выходные и праздничные дни давалось в силу служебной необходимости только мною и моими заместителями. Руководители, чьи подчинённые нарушали этот порядок, наказывались. Это позволило сделать работу более плановой и менее авральной,

и соответственно более эффективной.

Все документы, представляемые мне на утверждение, должны были быть согласованы с управлениями и ведомствами, к работе которых они имели какое-либо отношение. Без этого ни один документ мною не рассматривался.

Кроме того, мною было введено правило, согласно которому в течение рабочего дня телефоны всех начальников аппарата НВС МО, вплоть до начальников отделов, должны были всегда отвечать. В отсутствие начальника на его рабочем месте у телефонного аппарата должен был дежурить офицер, которому предписывалось быть в курсе обстановки в управлении, отделе, знать, где в данный момент находится начальник и как с ним связаться. К сожалению, в последнее время это элементарное правило всё чаще и чаще нарушается, всерьёз затрудняя работу.

На первый взгляд вышеперечисленные меры могут показаться очень простыми, даже примитивными, однако без дисциплины, субординации и чёткой координации действий нормальное функционирование армии невозможно. Я вынужден говорить об этом, так как за время службы в МО и Генштабе нередко сталкивался с нарушениями этих непреложных правил. В связи с этим я могу привести следующий пример:

В то время, когда я уже был заместителем начальника Генштаба, а начальником его являлся Маршал Советского Союза В.Г. Куликов, были нередки случаи, когда заместители начальника Генерального штаба и начальники главных и центральных управлений вызывались к нему на совещание во внеслужебное время – в 21-22 часа и позже. Бывало, мы ждали в приёмной до часа, пока он был занят беседой с представителями различных правительственных учреждений. Освободившись, он тут же без каких-либо прелюдий и извинений приступал к обсуждению с нами вопросов, явно не требовавших такой срочности. Та же ситуация сохранилась и при преемнике маршала В.Г. Куликова

– маршале С.Ф. Ахромееве, моем старом товарище. С одной стороны, это говорило о высокой занятости и некоторой неорганизованности начальников Генштаба, с другой о недостаточном уважении с их стороны к себе и своим подчинённым...

После моего назначения начальником войск связи Министерства обороны передо мной и моими коллегами встала задача коренного совершенствования системы связи Вооружённых Сил.

Для обеспечения более эффективного решения этой задачи мы провели структурные и кадровые изменения в Управлении начальника войск связи Министерства обороны, зафиксировали состояние средств связи и сформулировали перспективные задачи их развития. Вначале мы объездили все производственные объединения, научно-исследовательские институты и конструкторские бюро, обследовали всю промышленную базу, и, выяснив её возможности, при участии органов правительства приняли меры по её укреплению. Затем силами лучших специалистов аппарата НВС МО, Главного оперативного управления Генерального штаба с привлечением ведущих учёных Минобороны, промышленности и Академии наук разработали сначала тактико-технические требования, а затем и план создания перспективной системы связи с учётом последних достижений науки и техники.

Нами были выделены основные направления работы, в число которых входили повышение боеготовности связи, обеспечение её непрерывного действия и своевременности доведения до исполнителей подлинной, неискажённой информации. Это касалось всей системы связи в целом и, в первую очередь, связи со стратегическими ядерными силами и войсками ПВО, причём сроки доведения боевой информации для разных видов Вооружённых Сил были различными.

Выполнение этих требований вызывало необходимость как существенного улучшения качества каналов государственной

и военной связи, непрерывности их функционирования с учётом резервирования и автоматического засекречивания информации с гарантированной стойкостью, передаваемой по всем каналам связи, так и применения физико-математических методов повышения достоверности передачи информации (при этом за исходную принималась достоверность 10 в минус второй степени).

Нами были подготовлены крупные мероприятия по замене всех магистральных линий и линий к стратегическим объектам, воздушных линий на подземные кабельные, а в последующем, на волоконно-оптические, созданию систем спутниковой связи и разведки различного назначения и других систем на высокоэллиптической и геостационарной орбитах, низколетающих спутниках разведки и навигации, а также в перспективе боевых спутников противоракетной и противовоздушной обороны, повышению защищённости магистральных линий связи, транзитных и оконечных узлов связи, кольцеванию крупных населённых пунктов и автоматическому резервированию каналов, ведущих к стратегически важным правительственным, военным и особо важным гражданским объектам.

Мы немедленно приступили к осуществлению этих планов, хотя нужно отметить, что их реализация заняла 10-12 лет и потребовала колоссальных финансовых затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские, производственные и строительно-монтажные работы.

Одним из первых мероприятий, которое я провёл после перехода в Министерство обороны (по примеру Ракетных войск стратегического назначения), было создание штатных пунктов управления связью.

Мы занялись проблемой управления системами и узлами связи, как стационарными, так и полевыми, в масштабе Вооружённых Сил. Создали для этого пункты управления системой связи, узлом связи и элементами узла связи – на стационарных объектах и соответствующие аппаратные – для полевых узлов связи. Всё это позволило

оперативно реагировать на все изменения, происходящие в системе связи, уменьшить время установления связи, сократить количество транспортных единиц на полевых узлах связи.

Для наших пунктов управления подбирались специальный офицерский состав, проходивший соответствующее обучение. Пункты управления обеспечивались электронно-вычислительными средствами общего и специализированного назначения. Размещались они при основных пунктах управления войсками и силами в наземных и защищённых подземных объектах. Создавались специальные воздушные пункты управления, которые могли находиться в воздухе, меняясь каждые сутки. На каждом боевом корабле также развёртывались необходимые пункты управления (БЧ-4).

Наряду с этим предметом заботы начальника войск связи Министерства обороны (а затем и начальника связи Вооружённых Сил) было повышение полевой выучки войск, создание подвижных пунктов управления и радиоцентров, способных обеспечить непрерывное управление при маневрировании в ходе боевых действий войск.

В начале 70-х годов были разработаны типовые структуры систем связи фронта и армии с введением в их состав опорной сети связи, как сети связи общего пользования, для обеспечения потребностей в каналах связи всех войск фронта (армии), участвующих в операции. Практически опорная сеть связи получила реализацию с середины 70-х годов, когда на вооружение войск связи стали в достаточном количестве поступать новые полевые коммутационные, радиорелейные, тропосферные и проводные средства связи.

В 70-е годы особое внимание уделили решению вопросов управления системой и войсками связи, разработке методов и способов развёртывания опорной сети связи в установленные сроки, совершенствованию тактики действий

соединений и частей связи и их всестороннему обеспечению на различных этапах операции.

Применение высокоточного оружия, которое по своей эффективности не уступало тактическому ядерному, повысило требования к управлению войсками. Была реорганизована система пунктов управления фронтов и армий, которая включала в себя КП, ЗКП, ТПУ (в состав КП входили передовой и воздушный пункты управления). КП и ЗКП были постоянно действующими. Это обусловило необходимость разработки тактики позшелонного перемещения и поэтапного развёртывания узлов связи КП и ЗКП. С целью повышения живучести и помехоустойчивости работы средств узлов связи пунктов управления было реализовано требование по разнесению элементов узла связи на местности и обеспечен вынос излучающих средств за пределы пунктов управления. Также были решены вопросы дистанционного управления вынесенными радиоэлектронными средствами.

В этой работе мне активную помощь оказывали генералы Управления Ю.А. Павлов, Н.Г. Попов, В.И. Соколов, Ю.И. Рябинин (трагически погиб в 1987 году).

Выполняя поставленные задачи, мы тесно взаимодействовали с Главным оперативным управлением Генерального штаба во главе с его начальником (наибольшее внимание к вопросам связи проявлял генерал С.Ф. Ахромеев и его заместители, генералы И.Г. Николаев и трагически погибший в 1987 году В.П. Шутов).

В 70-е годы в состав радиосредств тактического звена управления Вооружённых Сил введены радиостанции третьего поколения. В сравнении с предыдущими типами станций в них существенно расширены диапазоны и число рабочих частот, повышена стабильность частоты, введена система заранее подготовленных частот для работы в радиосетях и радионаправлениях, улучшены массогабаритные и надёжностные показатели. За счёт введения цифровой индикации, автоматизированной настройки и кнопочного

управления существенно упрощена эксплуатация радиостанций. Это позволило сократить время установления радиосвязи и обеспечило более высокую надёжность и качество связи, унификацию средств и сокращение типажа, внедрение в радиоаппаратуру средств автоматизации на основе элементов вычислительной техники.

Также были существенно повышены мобильность тропосферных станций прямой видимости и помехозащищённость направлений связи на основе использования широкополосных сигналов и дискретных способов передачи информации.

Важным условием обеспечения устойчивости управления Вооружёнными Силами, в первую очередь, стратегическими ядерными силами, было создание единой системы спутниковой связи, ввод в строй которой позволил не только повысить боевую готовность и устойчивость систем связи стратегического и оперативно-стратегического звеньев управления, но и получить один из самых перспективных родов связи. В 70-х годах под моим руководством и при непосредственном участии генералов и офицеров Управления НВС МО Е.А. Шитова, А.А. Недина, А.Г. Рыжова, В.М. Кондрашова и других реализованы пути построения военных систем спутниковой связи различного назначения как единой системы спутниковой связи Минобороны (системы, отдельной от Минсвязи -при сохранении единой системы запуска, наземного автоматизированного комплекса управления и системы командно-измерительных комплексов) и соответствующей требованиям обеспечения управления в интересах всех видов Вооружённых Сил, а также других министерств и ведомств. Система спутниковой связи Министерства обороны функционировала на основе принадлежащих только этой системе ИСЗ на стационарной («Радуга») и высокоэллиптической («Молния-3») орбитах.

Системотехнические решения, принятые в системе спутниковой связи, обеспечивали работу земных станций наземного, воздушного

и морского базирования в движении в помехозащищённом режиме.

Впервые в мировой практике Единая система спутниковой связи первого этапа (ЕССС-1) разработана как полностью цифровая система с обработкой сигналов на борту спутников и имеющая в составе принципиально новые типы земных станций --узловые станции. ЕССС-1 принята на вооружение в 1979 году и до сих пор позволяет в целом осуществлять устойчивую спутниковую связь с основными органами военного управления и группировками войск в районах их размещения и действий.

В создании системы ЕССС-1 непосредственное участие принимали коллективы Московского НИИ радиосвязи (директор М.Р. Капланов, затем А.П. Биленко), Московского научно-исследовательского радиотехнического института (директор М.Н. Борисенко), КБ Красноярского радиотехнического завода (директор В.Г. Тараненко) Министерства промышленности средств связи, НПО прикладной механики (директор М.Ф. Решетнёв) Министерства общего машиностроения СССР, НИИ радио Минсвязи СССР (директор В.А. Шамшин, позже, с 1980 года. Министр связи СССР), специалисты 16 ЦНИИИ МО, В.Д. Фёдоров, В.М. Николаенко и другие.

В 70-е годы были разработаны и внедрены в войсках система регламентного технического обслуживания (включая ежедневный, еженедельный, ежемесячный, квартальный, полугодовой и годовой регламенты) и система подконтрольной эксплуатации техники связи и её подконтрольного хранения на базах связи. Это позволяло осуществлять контроль состояния средств связи, постоянно содержать их в состоянии боевой готовности, регулярно оценивать результаты хранения аппаратуры связи при её нахождении в неблагоприятных условиях, разрабатывать рекомендации по их устранению, ежегодно проводить работу по обобщению показателей надёжности аппаратуры. Первая система была введена мною ещё в Ракетных войсках,

в последующем она была распространена на все войска связи Вооружённых Сил.

Были улучшены оперативно-технические возможности аппаратных полевых узлов связи путём перевода их на транспортную базу повышенной проходимости типа «Урал-375», ЗИЛ-131 и ГАЗ-66 с унифицированными кузовами-фургонами; разработаны и внедрены в войска средства связи для передовых пунктов управления фронта, армии и армейского корпуса на бронезащитной базе.

Своё развитие получили и другие системы, комплексы и средства связи. Принятие их на вооружение позволило создать широко-разветвлённые системы связи Генерального штаба, видов Вооружённых Сил и родов войск.

Вся эта работа начиналась, когда я был в Ракетных войсках стратегического назначения и продолжалась после моего перехода в Министерство обороны, а затем в Генеральный штаб. И как всегда бывает с большими системами, наверное, мы никогда не сможем сказать, что она завершена. Она будет продолжаться по мере развития науки, системы вооружений, в том числе средств связи, и изменения количества и качества объектов, требующих включения в эту систему...

В 1973 году мне было присвоено звание маршала войск связи.

Произошло это так. Министр обороны Маршал Советского Союза А.А. Гречко проводил учения в Одесском военном округе и на Черноморском флоте. В ходе этих учений Министр обороны поставил передо мной задачу обеспечить непрерывную засекреченную связь при его походе на крейсере «Феликс Дзержинский» в Алжир. Был определён срок – двое суток. Мы выполнили эту задачу за одну ночь. Министр обороны по пути в Алжир разговаривал по этой связи со штабом руководства учениями, с Политбюро ЦК КПСС, Министерством обороны, своей матерью, с послом СССР в Алжире и остался очень доволен качеством связи.

Следует отметить, что начальником связи походного штаба на крейсере был тогда назначен капитан А.А. Иванов, впоследствии ставший генерал-полковником, первым заместителем начальника связи Вооружённых Сил, а после увольнения с военной службы – Председателем Государственного комитета Российской Федерации по связи и информатизации.

Обратно Гречко решил лететь самолётом и взял с собой нашего посла в Алжире. Самолёт Министра обороны был также оборудован подобной связью. За время перелёта они неоднократно связывались с Министерством обороны, МИДом, штабом руководства учениями, с крейсером, который возвращался из Алжира в г. Севастополь, Группой Советских войск в Германии. Нареканий к связи не было. Это было новаторство: впервые на корабле, самолёте и между ними была установлена бесперебойная засекреченная связь с гарантированной стойкостью.

В дальнейшем этот опыт был распространён на корабли управления, флагманские корабли и воздушные пункты управления.

Вскоре после этого меня неожиданно вызвали на Тушинский аэродром, где проходила тренировка военного парада, посвящённого годовщине Октябрьской революции. Я поднялся на трибуну, и там маршал А.А. Гречко в присутствии всех военачальников и участников парада тепло поздравил меня с присвоением воинского звания маршала войск связи.

Чем дольше я работал в Управлении начальника войск связи Министерства обороны, тем чаще меня посещала мысль о том, что корень всех проблем лежит в следующем: связи отводилось неподобающее место в организационной структуре Вооружённых Сил. Во всём мире система управления и связь являлись функцией генеральных штабов. У нас же ситуация обстояла совсем по-другому. Управление начальника войск связи Министерства обороны

не входило в Генеральный штаб, а начальник войск связи подчинялся непосредственно Министру обороны.

Почему это было не эффективно? Дело в том, что Генеральный штаб – это основной мыслительный орган Вооружённых Сил, отвечающий и организующий абсолютно все виды деятельности, связанные с подготовкой армии и государства к войне. Он является исполнительным органом Верховного Главнокомандующего во всём, что касается управления Вооружёнными Силами (под которыми следует понимать не только войска Министерства обороны, но и внутренние войска МВД, пограничные войска, воинские формирования Комитета Госбезопасности, железнодорожные войска и другие).

Связь же, как я уже немного говорил, является основным средством, обеспечивающим управление войсками и силами как во время боевых действий, так и в период подготовки к ним. Я бы даже сказал так: связь – это сердце системы управления. Без идеально отлаженной связи эффективное взаимодействие между различными звеньями этой сложнейшей структуры – лицами, принимающими стратегические решения, Генеральным штабом и начальниками различного уровня – невозможно. Именно поэтому связь непосредственно относится к компетенции Генерального штаба. В этих условиях подчинённость начальника войск связи Министру обороны являлась явно неоправданной и приводила к дополнительным трудностям и конфликтным ситуациям, с чем мне неоднократно приходилось сталкиваться при решении задач совершенствования автоматизации управления и связи.

Опыт, приобретённый мною за долгие годы службы в армии, и, особенно в Ракетных войсках, где мне уже приходилось вплотную заниматься вопросами автоматизации управления и связи, подсказывал мне, что эта ситуация требует немедленного разрешения. В противном случае всё это могло привести к самым печальным последствиям, особенно учитывая угрозу ядерной войны. Я начал

готовиться к тому, чтобы поставить этот вопрос перед вышестоящими инстанциями.

В то время начальником Генерального штаба был Маршал Советского Союза М.В. Захаров – умный и волевой человек, многоопытный военачальник. Однако он тоже был немолод, и, как всякий пожилой человек, отличался консервативностью и избегал выхода к руководству со спорными или неудобными вопросами, опасаясь ссор или неприятностей. У нас с ним было множество встреч, так как я должен был согласовывать с ним вопросы и документы, подготовленные для Министра обороны и других руководящих органов – ЦК КПСС, Совета Министров, Госплана и т.д. Мои доклады ему проходили очень своеобразно. Устных объяснений он не принимал, а требовал представлять ему всё в письменном виде. Быстрым взглядом окинув документ, он либо его подписывал, либо возвращал мне обратно без комментариев. Я на него за это не обижался, понимая, что он привык работать с хорошо знакомыми ему людьми, а меня воспринимал как молодого, малоопытного, да к тому же ещё и назойливого, порождающего, с его точки зрения, сомнительные идеи человека, с которым ему, собственно, и говорить-то не о чем.

Так продолжалось почти до самого момента его перехода в сентябре 1971 года на должность начальника Военной академии Генерального штаба, вскоре после чего он умер. Незадолго до этого в наших отношениях неожиданно произошёл перелом. Однажды вечером, часов в 20-21, я пришёл к нему с очередным докладом какого-то важного документа. Коридоры Генштаба были пустынными: все разошлись по домам. Свет, правда, кое-где ещё горел. Маршал М.В. Захаров находился в своём кабинете один. Когда я вошёл, он впервые за время нашего знакомства встал из-за стола, подошёл ко мне, обнял, посадил за стол для совещаний и попросил принести нам чаю. Мы очень долго, почти полтора часа, беседовали о судьбах Вооружённых Сил Советского государства, о наших

взаимоотношениях с Америкой и Европой, о соотношении наших сил, о важности роли управления и связи, о стратегических ядерных силах и по другим вопросам. Это был наш первый и последний серьёзный, задушевный разговор. Не знаю, почему маршал изменил своё отношение ко мне. Возможно, постепенно для него стала очевидной разумность моих предложений. К сожалению, у него уже не было времени что-то исправлять.

На смену М.В. Захарову пришёл Маршал Советского Союза В.Г. Куликов. Это был совершенно другой по складу человек, и решать с ним какие бы то ни было сложные, особенно технические вопросы было чрезвычайно трудно. Прежде всего, до сих пор он не имел серьёзного опыта штабной работы (в прошлом он командовал Киевским военным округом и Группой Советских войск в Германии). Кроме того, так же как и маршал войск связи А.И. Леонов, он сразу же начал создавать вокруг себя круг доверенных лиц и прилагать усилия для собственного благоустройства. Он снисходительно и свысока смотрел на своих подчинённых, в том числе и на меня. Тем не менее через какое-то время нам удалось найти общий язык, и работа у нас потихоньку пошла. Но поставить перед ним вопрос о переподчинении начальника войск связи МО Генеральному штабу я всё же не решался.

Окончательно в бессмысленности обсуждения с ним этой темы меня убедили учения, во время которых проводились испытания системы радиоэлектронной борьбы. Маршал В.Г. Куликов был весьма увлечён этим новомодным вопросом. Во время учений создавались искусственные условия для подавления средствами РЭБ отдельно взятых структур системы радиосвязи, но при этом воздействия на комплексную систему связи и на боевые системы, например на радиолокационную систему предупреждения о ракетном нападении и радиоканалы боевого управления, не учитывались. В результате сделанные заключения не отражали истинного состояния помехозащищённости системы управления войсками и силами

в целом. Все попытки убедить маршала В.Г. Куликова в некорректности таких выводов успеха не имели. Ему очень помогал в этом генерал-лейтенант В.В. Дружинин. Были и другие вопросы, которые мне так и не удалось с ним решить. Я счёл за лучшее – ждать.

К концу пребывания маршала В.Г. Куликова в должности начальника Генерального штаба произошёл любопытный случай, который в целом создавал благоприятные предпосылки для позитивных изменений в области управления и связи. Главное оперативное управление Генерального штаба подготовило за подписью В.Г. Куликова для Министра обороны маршала А.А. Гречко, документ, в котором касающиеся связи вопросы были поставлены не совсем корректно. Не знаю уж, как А.А. Гречко усмотрел в нём какой-то недостаток, но в результате документ попал ко мне на рецензию. Я добросовестно её сделал, выправил все неточности, доложил о результатах Министру, и тот документ подписал. Исправленная копия была направлена в Главное оперативное управление Генерального штаба и, естественно, была доложена начальнику Генерального штаба. Это обстоятельство не могло не вызвать некоторого недовольства со стороны начальника Генерального штаба и его заместителя – начальника Главного оперативного управления. Далее ситуация развивалась следующим образом: придя к выводу, что в вопросах автоматизации управления и связи считаться с мнением начальника войск связи МО необходимо, маршал А.А. Гречко дал указание своей канцелярии переадресовывать ко мне на согласование все документы, в которых встречалось слово «связь» или «автоматизация». Его приказ выполнялся настолько добросовестно, что мой стол оказался буквально заваленным документами, в большинстве своём не имеющими ко мне прямого отношения. Но я мужественно нёс на себе этот «крест» поручения Министра обороны. Однажды мне даже принесли бумагу,

в которой слово «связь» было употреблено совершенно в ином контексте, а именно «в связи с тем-то и тем-то прошу разрешить мне...» Сейчас мне это кажется забавным, но тогда мне было не до смеха: работы существенно прибавилось. Однако в целом произошедший сдвиг иначе, как позитивный, оценить было нельзя: мой авторитет как компетентного начальника связи существенно укрепился, и все, в том числе и сотрудники Генерального штаба, стали волей-неволей советоваться со мной по вопросам управления.

Успешное решение вопроса о подчинении начальника войск связи Генеральному штабу стало реальным с назначением на должность начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза Н.В. Огаркова – очень культурного, знающего и решительного человека. Будучи всесторонне подготовленным, он не боялся высокого начальства и всегда смело отстаивал свою точку зрения. Я доложил маршалу все свои соображения, и тот меня поддержал. Министр обороны также одобрил наше предложение.

7 июня 1977 года было принято решение, согласно которому была упразднена должность начальника войск связи Министерства обороны и вводилась новая должность начальника связи Вооружённых Сил СССР – заместителя начальника Генерального штаба с соответствующим аппаратом. За ним сохранились функции Генерального заказчика систем, комплексов, средств связи и автоматизированной системы управления для всех Вооружённых Сил, включая и стратегические ядерные силы.

Этими решениями были созданы новые благоприятные условия для повышения качественного уровня управления Вооружёнными Силами и совершенствования средств управления.

Генеральный штаб

С появлением ядерного оружия в наших Вооружённых Силах и в вооружённых силах ведущих держав мира начала складываться принципиально новая и в то же время парадоксальная ситуация.

С одной стороны, накопление огромных арсеналов оружия массового поражения вроде бы делало державы сильными и создавало иллюзию возможности мгновенного разгрома противника в случае, если эти державы первыми применят ядерное оружие и не получат ответно-встречного или ответного удара такой же силы.

С другой стороны, нависающая угроза всё более мощного внезапного первого удара от противника заставляла стороны наращивать ядерные потенциалы.

Это, в свою очередь, существенно повышало требования к военной связи, особенно к надёжности, достоверности, резкому сокращению сроков доведения боевой информации, а также скрытности её содержания и факта передачи. Выполнить эти требования было невозможно без создания и внедрения автоматизированных систем управления, прежде всего стратегическими ядерными силами, системой ПВО, войсками и оружием.

За годы моей работы в Ракетных войсках связь и управление в них были практически отлажены. Однако наши стратегические ядерные силы были сосредоточены не только в Ракетных войсках, но и в авиации, на подводных лодках, на боевых кораблях. Согласно разработанной Генштабом

доктрине ядерной войны, в случае военной агрессии все наши ракеты должны были быть выпущены одновременно: иначе ответный удар мог бы себя не оправдать, и многие стратегические цели противника не были бы поражены.

В разделе, посвящённом Ракетным войскам, я уже говорил, что счёт в ситуации, когда размещённые в Европе ракеты противника могут достичь района Москвы за 8 минут, ведётся на секунды. Итак, мы начали бороться за эти драгоценные секунды...

Перед нами стояла задача создания комплексной автоматизированной системы управления всеми видами стратегических вооружений, что обеспечило бы стопроцентную вероятность ответного удара и многократное увеличение его мощи за счёт корректировки первоначальных планов. Кстати, поначалу её называли автоматической! Но, учитывая, что автоматика лишь готовит данные, а решение принимает человек, настояли на другом определении – «автоматизированная».

Нужно заметить, что при координации взаимодействия различных видов стратегических вооружений возникало очень много нерешаемых на первый взгляд проблем технического характера.

Возьмём, к примеру, наш Военно-Морской Флот. Советские ракетные силы преимущественно базировались на атомных подводных лодках. Обычный высокочастотный радиосигнал под водой быстро затухает. Сверхнизкая же частота хорошо принимается, но малоинформативна, так как её сложно промодулировать. Как тут быть? Главный штаб Военно-Морского Флота долго бился над решением этой задачи, а мы ему активно помогали. Наконец, мы вышли из положения за счёт обеспечения подводных лодок специальными низкочастотными антеннами типа «параван» – мини-«подводными лодочками», которые находились в подвсплывании, близко к поверхности воды.

С авиацией дело обстояло ещё хуже. Самолёты большую часть времени находятся на земле в зачехлённом состоянии. Приём же сигналов возможен только тогда, когда они вырабатывают энергию, например, поднимаются в воздух. В результате было принято простое, но эффективное решение держать дежурное звено в боевой готовности. Дверцы ангара открыты, к самолёту подведено электричество, экипаж находится рядом и ждёт сигнала боевой тревоги, после приёма которого вся эскадрилья поднимется в воздух.

Такого рода проблемы постоянно возникали во всех видах Вооружённых Сил и родах войск. Как мне удалось сохранить за годы налаживания этой системы свои силы, не знаю... Нервы во всяком случае у меня порядком потрепались. Много раз мне приходила в голову мысль о том, что на войне было в каком-то смысле проще...

Подводя итог под вышесказанному, можно утверждать, что создание автоматизированной системы управления стратегическими ядерными силами требовало не только гибкости подхода, но и являлось сложнейшей оперативно-технической задачей. Аналогов её решения инженерная наука не знала: в ходе разработок возникали тысячи проблем, заранее предвидеть которые было невозможно. Ключик к заветной «тайне» искали не только мы – за рубежом тоже. В чём-то мы опережали вероятных противников, в чём-то они нас. Но, забегаая вперёд, могу сказать, что в целом система получилась уникальной.

Работы над её созданием, как вы помните, начались ещё в 60-х годах, в период моей службы в Ракетных войсках. Хотя формально заказчиком этой работы сначала было 5-е Главное управление Министерства обороны, возглавляемое генерал-полковником Р.П. Покровским, а затем 2-е Главное управление Генерального штаба под руководством генерал-полковника В.В. Дружинина, велась она под непосредственным руководством Управления начальника войск связи МО и Главного оперативного управления

Генерального штаба. С 1977 года Генеральным заказчиком АСУ ВС был определён начальник связи Вооружённых Сил.

Идеологами системы были генералы Управления начальника войск связи МО А.П. Зименков и К.Н. Трофимов, заместитель начальника Главного оперативного управления – генерал В.П. Шутов (двое последних трагически погибли в 1987 году в авиакатастрофе). При решении организационно-технических проблем создания АСУ Вооружённых Сил нам оказывали большую помощь Военно-промышленная комиссия Совета Министров СССР, оборонный отдел ЦК партии и руководство многочисленных отраслевых министерств. В целом главенствующую роль в данном процессе играло Министерство радиопромышленности, которое несло ответственность перед руководством страны. Министры В.Д. Калмыков, а затем П.С. Плешаков вложили в создание АСУ ВС много творческих сил и энергии.

Руководство работами по созданию АСУ ВС было поручено академику В.С. Семенихину и доктору технических наук В.В. Конашеву, возглавлявшему на тот момент НИИ автоматической аппаратуры. Они уже многого достигли в этой области. Функционировала АСУ для ПВО, которая на основании радиолокационной обстановки выдавала команды на зенитные ракетные комплексы, наводила истребители-перехватчики. Теперь же требовалось нечто иное – более совершенное и более надёжное.

В 1967 году был успешно завершён проект, в 1979 году система прошла государственные испытания. За ввод в эксплуатацию системы в 1980 году В.С. Семенихину и К.Н. Трофимову были присвоены звания Героев Социалистического Труда, а большой авторский коллектив, включавший маршалов Н.В. Огаркова, С.Ф. Ахромеева и автора этих строк, был удостоен Ленинской премии.

Внедрение в системы управления средств автоматизации обусловило создание нового вида связи – передачи данных, вызвало необходимость организации сети передачи данных

и решения всех вопросов по обеспечению своевременной, достоверной и безопасной передачи сообщений в автоматическом режиме между абонентами сети.

В конце 1970 г. были практически реализованы организационно-технические принципы построения и функционирования системы обмена данными (СОД) автоматизированной системы управления Вооружённых Сил на новых принципах коммутации сообщений, сопряжения её с другими автоматизированными системами. Главным конструктором СОДа был заместитель Генерального конструктора АСУ ВС И.А. Мизин, впоследствии – академик. Большую работу по организации и сопровождению разработки системы проделали офицеры Управления начальника связи ВС полковники А.П. Жуковский и В.И. Дерюгин, сотрудники 16 ЦНИИИ МО – полковники В.Ю. Гливинский, Б.А. Супрун, В.Н. Иванов и многие другие. В составе большого авторского коллектива Б.А. Супрун и А.П. Жуковский были удостоены Государственной премии СССР.

В результате с 1980 г. СОД поставлена на опытную эксплуатацию. Впервые в отечественной практике была разработана и реализована территориальная автоматическая система обмена данными, обеспечивающая высокую надёжность и скорость доведения информации до абонентов системы при низком качестве канала. В её составе находились совершенно оригинальные вычислительные комплексы отечественного производства. Созданная система обмена данными явилась основой командной системы боевого управления, которая и сегодня состоит на боевом дежурстве.

В конце 80-х годов была создана автоматизированная сеть документального обмена (АСДО) на базе комплексов и каналов СОД. СОД совместно с АСДО объединила не только управление стратегическими ядерными силами, но и округами, центральными штабами.

Кроме того, дальнейшее развитие получили средства связи. Так, например, в середине 80-х годов был создан комплекс радиосредств тактического звена управления 4-го поколения. Он позволил обеспечить автоматическое установление радиосвязи с применением частотной адаптации. Радиостанции имели цифровые каналы, существенно повышающие надёжность связи, расширился диапазон частот, стало возможным использовать носимый комплект аппаратуры засекречивания. На вооружение войск интенсивно поступали новые однополосные радиостанции КВ и УКВ диапазонов. Широко внедрялись средства линейного автоматического засекречивания информации. Совершенствовалась система спутниковой связи.

Существенная роль в создании новых средств связи принадлежала тогда Министру промышленности средств связи Э.К. Первышину. Примерно в этот же период был создан так называемый «президентский чемоданчик», о котором циркулирует множество слухов, но при этом никто толком не знает, что он из себя представляет. Многие убеждены, что это выдумка, другим видится некий чемодан, в который вмонтирована большая красная кнопка, нажатием которой президент самолично пускает ракеты по враждебным государствам. На самом деле всё не так просто. Чемоданчик существует и действительно всегда находится рядом с президентом, выполняя роль высшего звена в цепи управления Вооружёнными Силами, однако устроен он совершенно по-другому. Я принимал самое непосредственное участие в его разработке, а создателем этого уникального изделия является Герой Социалистического Труда М.С. Логинов.

«Чемоданчик» появился на свет в период разгара «холодной войны» – мощного противостояния государств. «Першинги» в западной Европе, подводные лодки в Северном, Средиземном морях... Соответствующие системы предупреждения должны были передать сообщение о ядерной атаке главе государства, где бы они

находился. В считанные секунды, максимум в течение минуты, нужно было оценить обстановку и принять решение о разблокировке систем запуска ракет, отдав путём введения боевого шифра с гарантированной надёжностью соответствующий приказ подчинённым структурам, которые в свою очередь довели бы данную информацию до ракетных установок. Это многократно испытанная система, не допускающая сбоев и случайностей. Такой же «чемоданчик» предстояло сделать и для Министра обороны, и для начальника Генерального штаба.

Это была целая эпопея. Надо было предусмотреть все виды поездок хозяина «чемоданчика», места его работы и отдыха. Аппаратуру разместили в компактном, удобном для перевозки виде. Выбрали обычный чёрный дипломат с металлической окантовкой. Его вес с аппаратурой составил порядка 10 кг. Систему поставили на боевое дежурство в 1984 году. С созданием «чемоданчика» автоматизированная система управления стратегическими ядерными силами получила своё логическое завершение.

Успешное решение этой огромной национальной проблемы привело к достижению стратегической военной неприкосновенности нашей страны.

Очень большое внимание во время своей службы в Генштабе я уделял взаимодействию с учёными, ведь без них были невозможны разработка и создание новых видов вооружений, в том числе средств управления. Под моим руководством работал научно-технический совет. Когда возникала новая проблема, я ставил её перед учёными, предварительно согласовывая с ними свои требования – достижимо это, целесообразно или нет.

Нужно отметить, что научный потенциал определяется не только умами людей, но и тем техническим оснащением, с помощью которого решаются те или иные задачи. Например, для разработки современных систем связи требуется сложнейшая электронная техника. Пинцетом, зубилом и паяльником

или аналогичными инструментами тут ничего не сделаешь. Отсюда вытекает необходимость создания мощнейшей научно-технической и промышленной базы. И она в своё время у нас была. Мы очень редко что-то закупали за границей, чтобы не поставить себя в сложную ситуацию, если бывший друг превратится во врага.

Наши учёные при желании могут творить чудеса. Приведу такой пример. Для новой по тем временам радиостанции Р-140 необходим был конденсатор. Вместо нескольких десятков тысяч радиостанций, необходимых для оснащения всей армии, производилось всего 10 станций в год. Такими темпами перевооружение заняло бы свыше 50 лет, что было неприемлемо. Я обращался и в ЦК КПСС, и в Госплан СССР. А они только разводили руками. Дело упиралось в то, что для производства конденсатора для станции требовалось 250-300 граммов платины, а страна получала в год всего 2,5 килограмма. Я собрал в Мытищах учёных и конструкторов промышленности средств связи и радиопромышленности, учёных нашего института и Военной академии связи. Приказал начальнику института подготовить жильё, спальни, обеспечить здоровое питание. И поставил перед учёными задачу: за две недели создать конденсатор без платины, без золота и серебра. Запретил им без моего разрешения покидать стены института. В общем, проявил определённую жёсткость. Зато через две недели мне принесли конденсатор из чистого железа, а через месяц была продемонстрирована действующая радиолиния с применением нового конденсатора.

Вроде бы проблема была решена. Однако заводу-изготовителю радиостанции Р-140 это оказалось невыгодным, так как вместо десяти станций в год ему нужно было выпускать 200-300 станций. Областной комитет партии тогда поддержал завод. Министерство промышленности средств связи, Госплан, Военно-промышленная комиссия Совета Министров СССР с энтузиазмом восприняли моё предложение, но ничего не сделали для его практической

реализации. Тогда я вынужден был отказаться от утверждения плана завода на следующий год, обусловив это ситуацией с заменой конденсатора. Обстановка нормализовалась лишь спустя два года.

Кому-то, быть может, мой подход покажется чересчур бескомпромиссным, однако я уже говорил о том, что в некоторых ситуациях, особенно, когда дело касается таких важных вопросов, как оборона страны, жёсткость оправданна.

В настоящее время непопулярно хвалить И.В. Сталина, но я считаю своим долгом сказать, что он, конечно, был личностью неоднозначной. Но, если бы не его жёсткий и принципиальный подход, наша страна могла бы проиграть войну. Лично я считаю И.В. Сталина гениальным полководцем и руководителем. В том числе и в области эффективного управления промышленностью.

Помнится, мне рассказали такой случай. В начале Великой Отечественной войны, когда немцы захватили весь первый стратегический рубеж, к И.В. Сталину пришёл начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А.М. Василевский со следующим докладом: «Товарищ Верховный Главнокомандующий, наша армия осталась без биноклей. Наша артиллерия слепа. Наша разведка слепа. Нам нужно срочно 40 тысяч, а лучше всего 60 тысяч биноклей». Бинокли производил подготовленный к эвакуации в глубь страны Ленинградский оптико-механический завод. И.В. Сталин приказал вызвать к нему директора. На следующее утро директор стоял перед ним и докладывал: «Товарищ Сталин, плохи дела. Поставок нет. Заводу не на чем работать. Кроме того, завод сейчас эвакуируется. Виноват, но от меня ничего не зависит». Сталин ответил: «Давайте договоримся так. Ровно через 30 дней вы отгружаете армии 60 тысяч биноклей и докладываете мне о результатах в этом самом кабинете. Если Вы не справитесь с задачей, мы Вас расстреляем». Директор начал обходить кабинеты руководителей Генштаба, Министерства обороны и просить о помощи.

Ему все помогали, так как хорошо понимали, что иначе человек пропадёт. Через 30 дней директор пришёл к Сталину и доложил: «Товарищ Сталин, Ваше указание выполнено». Тот ему просто ответил: «Хорошо, идите и спокойно занимайтесь своими делами».

Наша промышленность изначально была довольно косной. Поскольку я прагматик, а не твердолобый коммунист, то не могу этого не признать. Перестроить её с производства горшка с одной ручкой на горшок с двумя ручками было в высшей степени трудно. Планы утверждались сверху, и директор завода ничего изменить не мог. Например, всё учитывалось на тонны. Произведёшь тяжёлую и большую деталь — получишь больше денег. Сделаешь изящнее и лучше, затратишь для тех же целей меньше металла – окажешься перед невыполнением плана, заработаешь меньше. Нелепая, противостественная система, которой я всегда старался противостоять доступными мне методами.

Приведу ещё один пример. Мне в кратчайшие сроки были нужны радиостанции для новых танков (радиостанции прежнего образца были устаревшими и не подходили по габаритам), не менее нескольких тысяч штук в год из расчёта перевооружения на 15 лет. А наш завод в Рязани выпускал 20 штук в год. Я отправился туда с проверкой. Мне показали новый автоматизированный цех, прочие достопримечательности... Но я не дал пустить себе пыль в глаза и потребовал 2000 радиостанций в текущем году и 10 тысяч в следующем. Пригрозил аннулировать заказ, что привело бы к невыполнению плана в будущем году. Начальник завода начал меня увещевать, что, дескать, поступаю не по-партийному. Я настоял на своём. Подписал договор только на полгода и не взял ни одной старой радиостанции. Военное руководство меня поддержало – все, кроме Министра обороны маршала Д.Ф. Устинова, который в очередной раз покривился.

В результате завод зашевелился: выпустил сначала 500 радиостанций, а потом несколько тысяч.

К счастью, многие советские руководители отличались очень здоровым практическим подходом к экономическим вопросам. Например, А.Н. Косыгин. Считаю, что он был лучшим из всех наших премьер-министров. Я три раза ходил к нему с докладами по вопросам, связанным с промышленностью. Он никогда не тратил времени на переливание из пустого в порожнее. Разговор с ним был краткий: суть проблемы, что мешает и что нужно сделать для того, чтобы проблему снять. Он сам, кстати, всегда оказывал действенную, своевременную помощь.

Работа в Генштабе также предполагала взаимодействие с генеральными штабами стран Варшавского договора. Мы, как представители верховного штаба оборонительного союза, часто посещали наших союзников с целью корректировки военной доктрины, уставов, системы управления и проведения учебной работы, позволяющей равномерно укреплять составляющие военного блока. Я в таких поездках, как правило, выступал в качестве старшего начальника связи в нашем лагере, и, хотя старался избегать прямых инспекторских функций, неофициально следил за правильностью проводимой генеральными штабами социалистических стран линий, давал им дружеские советы, что-то проверял и налаживал, изучал новые проблемы и искал пути их решения.

Я получал большое удовольствие от этих визитов, так как мне всегда было интересно общаться с командирами и солдатами армий дружественных нам государств. С любопытством наблюдал, как особенности национального характера проявляются на уровне организации армейской службы. Немцы, к примеру, были очень дисциплинированы, организованы. Командир никогда не примет военный городок, если там не функционирует последний унитаз. Кубинцы – народ горячий, эмоциональный, но, что касается боеготовности армии, здесь у них всё было жёстко.

Зато поляки хорошо каблуками щёлкают, а приказы исполняют плохо... Полученный во время поездок опыт помогал мне отлаживать систему управления армией в нашей собственной стране.

Также мне неоднократно приходилось ездить с особыми миссиями в государства, которые, не будучи членами Варшавского договора, на том или ином этапе являлись нашими военно-политическими союзниками. Запомнилась мне поездка в качестве наблюдателя Генштаба в Египет во время знаменитой 6-дневной войны с Израилем -протеее США. Израильтяне превосходили арабов по смелости, по технической культуре, кроме того, по идейной убеждённости. Я же должен был консультировать арабов, их противников, и порой у меня просто опускались руки. Например, египетские лётчики бросали, не находясь под обстрелом, свои самолёты и прыгали с парашютом. За это они получали 5000 долларов и месячный отпуск. Такие вот были у них правила... Кроме того, мы поставляли арабам зенитно-ракетные комплексы. Я был в шоке, когда израильтяне прилетели на большегрузных вертолётах, подцепили установки, локаторы и увезли к себе на позиции, не встретив сопротивления со стороны египтян. Или ещё пример: только наступает час моления аллаху, как все арабы бросают оружие и начинают возносить молитвы. Разве это война? Мы были очень недовольны. Однако ничего поделать не могли: наблюдатель выполняет роль советника, консультанта, он не может взять командование на себя, хотя бывали и такие случаи, например, в Эфиопии, когда моего товарища, генерала армии, а ныне Маршала Советского Союза В.И. Петрова попросили об этом. Кстати, справился он с задачей успешно: Эфиопия войну выиграла...

За всю мою работу в Генеральном штабе СССР я лишь один раз участвовал в войне. Это были военные действия в Афганистане. С нею у меня лично связано некоторое количество неприятных воспоминаний, в частности, касающихся

позиции нашего военного руководства. Начальником Генерального штаба в то время был маршал Н.В. Огарков, его заместителем – маршал С.Ф. Ахромеев. Н.В. Огарков, талантливейший и умнейший военачальник, далеко не всегда находил поддержку со стороны Министра обороны Д.Ф. Устинова, который его, видимо, недолюбливал – в первую очередь за то, что тот как военачальник был на голову выше его. Когда решался вопрос о вводе войск в Афганистан, Н.В. Огарков собрал своих заместителей, мы взвесили все «за» и «против» и сформулировали рекомендации Генштаба о нецелесообразности ввода войск. Афганистан – горная страна, в которой невозможно эффективно применить регулярную армию, не говоря уже о том, что никакой угрозы со стороны НАТО из этого региона для нас не было. Феодалный Афганистан и со своими-то проблемами справлялся с трудом...

Тем не менее, спустя некоторое время мы узнали о том, что Совет обороны при участии Л.И. Брежнева, Д.Ф. Устинова, А.А. Громыко и других лиц расценил ситуацию по-другому, и войска были введены. Я уверен в том, что просто Л.И. Брежневу и Д.Ф. Устинову не давала покоя мысль, что они за всё время своего правления не провели ни одной победоносной войны. Я видел, как Д.Ф. Устинов готовил решение о вводе войск: из моего окна хорошо обозревался двор перед его кабинетом, куда то и дело подъезжали машины членов Совета обороны – «группы» Д.Ф. Устинова. К моему большому сожалению, им удалось затащить в свою компанию и С.Ф. Ахромеева, который душой был на стороне Генерального штаба, но не мог противостоять приказам Д.Ф. Устинова. Я думаю, что с этого момента в его душе начался раскол между долгом чести и складывающимися реально политико-экономическими обстоятельствами, который в конечном итоге привёл к его трагическому концу...

Что касается связи, то её в Афганистане было организовать несложно. У нас к тому моменту была такая техника,

что мы могли передавать и принимать сигналы через горы. Я лично проанализировал ситуацию по карте, а потом проверил её на практике, облетав весь Афганистан вдоль и поперёк... Связь в Афганистане между гарнизонами, группами войск, выполняющими специальные задания по отражению действий отрядов моджахедов, с взаимодействующей авиацией и артиллерией, так же как и связь с Москвой и Туркестанским военным округом, обеспечивалась надёжно.

В ходе всей войны и после её завершения я искал причины, оправдывавшие решение военно-политического руководства страны о вводе наших войск в Афганистан, но так и не смог найти их. Видимо, соображения, доложенные Генеральным штабом Министру обороны, были верными.

Несмотря на все трудности, моя служба в Генштабе была разносторонней и интересной. Вдохновляемые своими идеалами, мы сделали очень многое для укрепления обороноспособности страны и поддержания её статуса великой державы. Однако всему на свете приходит конец.

Группа генеральных инспекторов а уход в отставку

Я закончил работать в Генеральном штабе по собственной инициативе. Произошло это так. На протяжении своей службы в армии я всегда старался всё делать на совесть. Без этого нельзя в любом деле, а уж в армии, где всё строится на чётком выполнении приказов командования, строжайшей внешней и внутренней дисциплине, тем более. И вдруг, незадолго до моего семидесятилетия, я стал замечать, что начинаю потихоньку сдавать. Первым сигналом стало то, что меня постепенно перестают интересовать поездки в войска, которые всегда доставляли огромное удовольствие и приносили реальную пользу делу. А потом как-то ко мне пришёл мой подчинённый, чтобы доложить о выполнении данного ему мной поручения. И я долго не мог вспомнить, о чём именно идёт речь. В тот момент я осознал, что уже не могу держать всё под личным контролем. Раньше мне это успешно удавалось – помнить о тысяче дел сразу. Тогда я и пришёл к выводу, что мне пора в отставку. Я убеждён, что командир в армии несёт ответственность за всех своих подчинённых и их поступки. Если вы отдали приказ, то они могут в его рамках проявить какую-то собственную инициативу, однако отвечать за это будете всё равно вы – командир. Ошибки и недоработки подчинённого – это ваши ошибки и недоработки.

Таков подход, лежащий в основе армейской дисциплины и офицерского кодекса чести.

Когда я сообщил коллегам о своём решении, меня все отговаривали, в том числе и мой товарищ маршал С.Ф. Ахромеев, бывший, как я уже говорил, в то время начальником Генерального Штаба. Но несмотря на то, что проблем со здоровьем у меня тогда не было, я твёрдо стоял на своём. Я собирался покинуть армию достойно и хотел бы так же достойно умереть, не впадая в маразм и не будучи в тягость никому. Старение – это естественный процесс, который невозможно повернуть вспять. Я считаю, что относиться к этому нужно спокойно, по-философски. Уйти и освободить своё место для других, более молодых и энергичных людей, – это правильное решение, которое диктует сама жизнь.

Я предложил вместо себя несколько кандидатур, и в конце концов командование остановило свой выбор на моём заместителе генерал-лейтенанте К.И. Кобеце.

В последующем должность начальника связи Вооружённых Сил занимали генерал-полковники О.С. Лисовский, Г.П. Гичкин, а с 1997 года генерал-полковник Ю.М. Залогин.

Помимо чисто личной причины моего ухода в отставку, о которой я только что сказал, на самом деле была ещё одна, гораздо более важная.

Меня подтолкнуло к такому решению то, что происходило в это время в нашей стране. Как любил говорить наш бывший президент, «процесс пошёл»... Перестройка развернулась, и на моих глазах рушилось то, что я и мои товарищи столько лет создавали тяжким трудом, а подчас и ценой жизни. Более того, обесценивались идеалы, которые для нас были святая святых.

Я понимал неизбежность перестройки, так как последний период правления Брежнева характеризовался отставанием во всех сферах общественной и экономической жизни. Его скромно называют «застоем», но на самом деле

это было больше похоже на медленную, но верную деградацию. Мы не смогли перейти к более эффективным методам ведения народного хозяйства. Выполнение плана и вал по-прежнему довели над всеми остальными показателями. Производству не хватало необходимой для современной промышленности гибкости и динамичности, которые нам демонстрировали Запад, Япония и Китай. Об этом я уже немного говорил, описывая свой опыт взаимодействия с промышленностью во время работы в Генштабе.

В связи с этим Вооружённые Силы, их оснащение также приходили в упадок. Например, спутники связи, выпускаемые нами в конце 70-х годов, имели гарантийный срок активного существования 3 года, в то время как за границей он уже был 5-7 лет. Учитывая, что на орбитах находится не один спутник связи, спутник-разведчик или навигационный спутник, а каждая система состоит из многих спутников, то стоит какому-нибудь из них выйти из строя, как система серьёзно страдает. Изменить эту ситуацию, улучшив качество спутников, можно было только за счёт организации производства более совершенных комплектующих. А этого-то в силу косности нашей промышленности и недостатка средств мы сделать и не могли, несмотря на то, что в области разработки новых технологий по-прежнему шли нога в ногу с Западом, а в целом ряде случаев даже опережали его. По тем же причинам мы не могли обеспечить производство запасных спутников.

Очень показательным примером здесь может служить ситуация с созданием современного центра микроэлектроники в Зеленограде, так называемого Наукограда. Идея принадлежала Министру электроники А.И. Шокину, талантливому и энергичному человеку, в своё время работавшему в нашем военном институте. Он же взялся и за её осуществление. По его указанию в Зеленограде было создано пять институтов с опытно-серийными заводами, которые должны были разрабатывать

микроэлектронные схемы для всей электронной промышленности, в том числе и для средств связи. А.И. Шокин закупил современное оборудование, измерительные приборы... С течением времени возникли проблемы, так как элементы становились всё более сложными, а приборы, на которых они изготавливались, а также те, что контролировали производственные процессы и качество продукции, в свою очередь тоже усложнялись и дорожали. Так вот, парк таких технологических приборов обновлялся у нас на 4-5% в год при потребности в 20-40%, что было для нас недостижимо в силу нехватки денежных ресурсов. Приблизительно так же ситуация обстояла во всех остальных областях экономики: например, нам не удавалось освоить выпуск тонких профильных изделий из металла, так как оценка продуктивности производства по-прежнему проводилась из расчёта выпущенных тонн. Мы всё больше отставали от Запада... Всё это не могло не сказываться на настроениях общества в целом.

Пока наше общество тихо разъедало себя изнутри, в нём начали зарождаться новые тенденции, назревала перестройка. Таковы законы диалектики, в которые я твёрдо верю: старое умирает, новое рождается. Только вот какое новое? Вся проблема заключается в том, что та идеология, которая стояла за концепцией перестройки, была по сути пагубной, если таковая присутствовала вообще. Однако я глубоко убеждён, что этим процессом скрыто управляла Америка, воспользовавшись нашей слабостью и умело дёргая за ниточки своих марионеток.

Мы в Генштабе всё это прекрасно видели и понимали, но ничего сделать не могли. У нас в стране очень дисциплинированный народ, особенно военные. Перед памятным пленумом 1985 года, когда из состава ЦК КПСС были выведены многие руководящие кадры и прежде всего представители Вооружённых Сил, и было официально объявлено о перестройке, один из моих товарищей, член

Ленинградского обкома партии, спросил меня, могу ли я поговорить с военными – членами ЦК, чтобы они заняли решительную позицию и отказались поддерживать Горбачёва. Я сразу отказался. Не потому, что чего-то боялся или сомневался в правильности такого поступка, просто я знал, что это бесполезно. Наши военные руководители никогда не пошли бы против власти и своего Главнокомандующего. А если бы пошли, разве всё это не закончилось бы путчем, новой революцией?! В результате пленум проголосовал за новый внутренний и внешний политический курс.

Мы много говорили об этом между собой в Генштабе. Однако нас больше волновала проблема передела собственности, к чему это приведёт нашу промышленность, что заменит Госплан и Госснаб, и как всё это отразится на нашей обороноспособности. Тогда нам и в голову не приходила мысль о развале СССР и изменении военной доктрины в пользу США. Когда всё это начало происходить на наших глазах. Генштаб отнёсся к этому резко отрицательно, зная, что американцы, заигрывая с нами, в будущем обязательно покажут зубы, что с их стороны это лишь хорошо продуманный политический ход. Так оно и случилось. Сейчас мы имеем полную возможность это наблюдать. Возьмите, к примеру, позицию США и НАТО по отношению к событиям в Югославии, нашей войне в Чечне. Они как были, так и остались нашими политическими оппонентами, зато мы в значительной мере утратили свои позиции, в результате чего сбалансированная многополярность нашего мира оказалась нарушенной. Вряд ли кому-нибудь от этого в конечном итоге будет лучше.

Именно в начальный период перестройки из лексики руководства нашей страны, а потом и всего народа, исчезли такие слова, как «патриотизм» и «защита Отечества». Вместо них возник такой термин, как «новое политическое мышление», который в том, что касалось нашей обороноспособности, сводился к следующему: все бывшие противники

теперь наши друзья и нам нет смысла от них защищаться. Отсюда следовало, что стране не нужны хорошо вооружённая армия, сильный флот, противовоздушная оборона и так далее. Понимая бессмысленность этого утверждения, многие военные руководители ушли со своих постов, другие же были уволены. Некоторые продолжали держаться за свои привилегии. Среди первых был и я. Всё, что я наблюдал вокруг себя, порождало у меня чувство полной бесперспективности, усугублявшееся возрастной усталостью.

После ухода с поста начальника связи Вооружённых Сил меня определили в группу Генеральных инспекторов при Министре обороны. Туда отправляли работать консультантами военачальников с большим опытом ведения войны. Нас было человек 20-30, и в основном все были хорошо между собой знакомы.

Делать в группе инспекторов было практически нечего, зато платили хоть какие-то деньги. Коротич, который как раз начал свою кампанию в «Огоньке» против Советской армии, обвиняя её в недееспособности, обозвал эту группу «райской». Это звучало обидно, однако поспорить с таким определением было сложно. Мы встречались несколько раз в неделю, общались между собой, делились воспоминаниями, обсуждали последние новости. Ни к каким серьёзным делам нас не привлекали и поручений не давали. Изредка кто-то обращался к нам за консультацией, хотя к нашим советам особенно не прислушивались. За всё время пребывания в группе инспекторов я трижды выезжал в качестве председателя государственной комиссии по выпуску военных академий ПВО и связи. К этому сводилась вся наша деятельность.

Показательным является следующий случай. Однажды, когда уже были внесены существенные изменения в нашу военную доктрину, начальник кафедры Академии Генштаба делал у нас доклад о стратегической операции на западном театре военных действий. Он заявил, что удары по нападшему

на нас противнику можно планировать только в пределах своей территории. Другими словами, противник наступает, а мы самолётами и ракетами наносим удары по своей земле, то есть бьём по самим себе! Мы послушали-послушали, а потом сказали докладчику: будьте добры, сверните свои бумаги в трубочку и идите прочь. Мы не желаем дальше слушать этот бред.

Развал в армии продолжался... Обвинения сыпались на военных градом. Их винули в непрофессионализме, в ограниченности, в бесполезности. Более того, академик Сахаров с трибуны говорил о том, что в Афганистане советские самолёты сознательно бомбили своих же солдат! Это был полный абсурд, так как я сам неоднократно и на Великой Отечественной войне, и впоследствии находился под огнём нашей авиации, и прекрасно знаю, что избежать этого очень сложно: части на земле подчас никак не обозначены, ориентиров нет, и с воздуха, особенно учитывая огромную скорость самолёта, невозможно разобраться, где свои, а где чужие. Всё чаще начали заходить разговоры о создании профессиональной контрактной армии, что в условиях полного развала экономики и отсутствия замены Госплану и Госснабу, было совершенно нереально. Денег у армии становилось всё меньше. Не говоря уже о финансировании научных исследований и создании нового оружия, отсутствовали средства на закупку уже произведённого заводами вооружения, а подчас – обмундирования и продовольствия. Сократили и перестали регулярно выплачивать денежное довольствие солдатам и офицерам, порой задерживая его на два года. Среди военных началась волна самоубийств. Многие офицеры и прапорщики, курсанты и выпускники военных училищ стали уходить из армии. Офицеры, особенно семейные, были вынуждены подрабатывать охранниками и грузчиками. Современная военная техника, корабли, самолёты, подводные лодки либо продавались за границу, либо шли на металлолом и тоже продавались за границу. Одним словом, как я считаю, велась

спланированная кампания по уничтожению советских Вооружённых Сил – основной опоры страны. Причём, уничтожение бездумное, так как новое руководство в разрушительном угаре, очевидно, не принимало в расчёт того, что армия может понадобиться и ему самому.

Видя, что происходит, военные перестали доверять руководящей роли партии, доживавшей свои последние дни, как, впрочем, не прибавилось у них доверия и к новому руководству, слова которого довольно часто расходились с делами.

Однажды ко мне пришёл за советом мой преемник К.И. Кобец. Он был крайне озабочен. На партийном активе частей связи центрального подчинения, на котором присутствовали командиры, начальники штабов, заместители по политической части и секретари парткомов всех училищ, академий, военных заводов, соединений и частей связи, был проведён анонимный опрос: нужны ли политорганы в армии, и, если да, то стоит ли их сохранять как самостоятельные структуры... Против политорганов выступило 78-80 процентов опрошенных и всего 4 процента – за их самостоятельность. К.И. Кобец не знал, что ему делать с такими результатами. Я посоветовал ему доложить Министру обороны генералу армии Д.Т. Язову. Министр Кобеца выслушал, а потом сказал: «Вот что...Ты мне ничего не говорил, а я ничего не слышал». Кобец пришёл обратно ко мне. Тогда я посоветовал ему пойти с этими документами к Б.Н. Ельцину, в то время – председателю Верховного Совета РСФСР. На том этапе мы уже относились с некоторым подозрением к нашему будущему президенту, однако продолжали верить в его принципиальность, порядочность и демократичность. К Ельцину Кобец не попал, однако его принял Хасбулатов, который, изучив документы, воскликнул: «Здорово! Это то, что нам нужно». Хасбулатов доложил Ельцину, а Ельцин в благодарность за полученную полезную информацию сделал Кобеца своим военным советником. Я потом сказал Кобецу: «Вот видишь, а ты переживал».

Смотри, как ты устроил свою карьеру». Собственно говоря, эта история и дала Кобецу путёвку в жизнь во всех его махинациях...

Нужно отметить, что коррупция в армии в принципе начала рассматриваться как нравственная норма. Наименее устойчивые люди, забыв про офицерскую честь, безнаказанно стали совершать поступки, которые в былые времена были бы заклеимены как военные преступления.

Я бы мог привести целый ряд примеров, описывающих ситуацию, в которой оказалась наша армия и мы, старые военные руководители ветераны многих войн. Мы были способны продолжать приносить пользу Родине, но, очевидно, это не очень было нужно, и нашим встречам в группе генеральных инспекторов настал конец. Приказом Министра обороны П.С. Грачёва группа была в 1992 году упразднена, а я в возрасте 76 лет уволен в отставку.

В 1999 году войска связи, возглавляемые начальником связи Вооружённых Сил Российской Федерации – заместителем начальника Генерального штаба генерал-полковником Залогиним Юрием Михайловичем, отпраздновали свой 80-летний юбилей. За этот период они прошли славный боевой путь, надёжно и своевременно обеспечивая управление Вооружёнными Силами как в мирное, так и в военное время. Техническая оснащённость средствами связи и автоматизированного управления достигла высокого уровня – от простейшего телефонного аппарата до современных систем и комплексов технических средств, созданных на основе последних достижений науки и техники.

Находясь в отставке, я с пристальным вниманием наблюдаю за состоянием и совершенствованием систем связи и автоматизированного управления ВС РФ. По возможности оказываю реальную помощь командованию Управления начальника связи в разрешении острых и не требующих отлагательства вопросов. Принимаю участие в рассмотрении

сложных проблем, требующих принятия решений соответствующими инстанциями.

Надо сказать, что несмотря на трудное экономическое положение нашей страны, руководство Управления начальника связи ВС РФ делает всё возможное и невозможное для поддержания и совершенствования средств управления и связи.

За последние годы разработан целый ряд средств и комплексов связи и АСУ, отвечающих современным требованиям управления, в первую очередь, по мобильности, устойчивости и экономичности. Среди них новое поколение станций спутниковой связи, семейство цифровых помехоустойчивых адаптивных радиостанций практически для всех звеньев управления Вооружённых Сил, новейшие малогабаритные средства линейной криптографической защиты передаваемой информации.

Проводятся работы по последовательной интеграции существующих систем, комплексов, средств связи и АСУ на базе новейших достижений в области электроники, вычислительной техники, телекоммуникаций с предоставлением современных услуг связи командирам и важнейшим должностным лицам всех звеньев управления.

Всё это направлено на создание единых организационных и функциональных систем и комплексов, обеспечивающих своевременную, достоверную и безопасную передачу информации в системах разведки, предупреждения, управления войсками, силами и оружием.

Хотелось бы остановиться на одной из очень важных проблем, которая возникла с переходом нашей страны на новые принципы хозяйствования.

Демонополизация услуг связи, формирование в этой сфере рыночных отношений привели к появлению на территории России сетей связи, принадлежащих акционерным обществам и частным лицам. Их многообразие ставит перед Министерством Российской Федерации по связи и информатизации и пользователями услуг по

связи (в том числе Вооружёнными Силами) ряд новых проблем, среди которых одной из важнейших является координация создания, развития и использование ресурсов этих сетей в интересах обороноспособности государства. Немаловажная роль в решении этой проблемы принадлежит начальнику связи Вооружённых Сил с подчинённым ему коллективом.

Одной из ячеек, выполняющей роль связующего звена между системой связи Вооружённых Сил и внедряемыми телекоммуникационными системами на территории России рядом частных предприятий и организаций, в том числе подведомственных Министерству РФ по связи и информатизации, является сегодня закрытое акционерное общество «Комет». Полагаю необходимым выразить коллективу ЗАО «Комет» свою признательность и благодарность. Считаю, что этот положительный пример должны взять «на вооружение» и другие фирмы, занимающиеся вопросами создания современных систем, комплексов и средств связи. От этого выиграют не только они, но в целом и Россия.

У меня есть уверенность, что личный состав Управления начальника связи Вооружённых Сил Российской Федерации, научно-исследовательских учреждений, военно-учебных заведений и войск связи в целом, находясь в тяжёлых финансово-экономических условиях, с достоинством и честью будут решать сложные задачи обеспечения управления Вооружёнными Силами, что всё-таки разум и политическая дальновидность руководства восторжествуют.

Послесловие

В заключение я хотел бы сказать ещё несколько слов, подводящих итог моему жизненному и служебному опыту.

Сегодня не нужно быть крупным военным специалистом, чтобы понять, казалось бы, очевидную вещь: самое наимогущественное и современнейшее оружие, самые подготовленные войска не могут быть эффективно использованы при отсутствии разветвлённой, надёжной и защищённой системы связи. Почему система связи определяет «лицо» любой армии? Да потому, что в условиях повсеместного сокращения численности Вооружённых Сил и наступательных вооружений, а также наличия высокоточного и сверхмогущественного оружия, реального перевеса над противником можно добиться лишь за счёт совершенствования системы управления и, в первую очередь, её основы — системы связи и автоматизированного управления.

Существует точка зрения, что войнам на Земле скоро наступит конец. Я полагаю, что такие заявления ничем не подкреплены, так как сама расстановка сил в мире, последние события (Персидский залив, Югославия, расширение НАТО на Восток и др.) доказывают обратное. Формируются новые, противостоящие друг другу военно-политические блоки, и мы не можем эту ситуацию игнорировать. Пока над нами висит угроза новой войны, в том числе ракетно-ядерной, необходимо срочно принимать все меры для ликвидации отставания в области обороны, включая укрепление оборонной промышленности, развитие науки, оснащение Вооружённых Сил новейшими видами боевой

техники, а также современными средствами связи и управления.

В последнее время, в частности, в связи с боевыми действиями в Чечне, наметились кое-какие сдвиги в отношении повышения уровня подготовки и качества наших Вооружённых Сил. Сдвиги медленные, робкие, и не ясно, к чему они приведут; тем не менее, они вселяют надежду, что Вооружённые Силы нашего государства возродятся, и Родина, если мы выберем правильный экономический курс, вновь превратится в великую державу.

В постсоветский период были упразднены звания маршалов родов войск, вследствие чего на сегодняшний день я являюсь последним маршалом войск связи.

Я искренне надеюсь, что ситуация недооценки роли Вооружённых Сил в современных условиях изменится, и вопросы управления и связи в Вооружённых Силах и в стране в целом вновь будут рассматриваться в верхнем эшелоне власти с должным вниманием и правильной оценкой их значимости, а также с учётом законных нужд не только представителей руководства и бизнеса, но прежде всего с учётом потребностей Вооружённых Сил и его ядра – Генерального штаба.

Накопленный мной и моими коллегами за долгие годы опыт, наши колоссальные наработки в этой области должны эффективно использоваться.

Получилось так, что, задумав книгу воспоминаний о связи в её техническом аспекте, я уделил в ней много внимания связи в другом смысле этого слова, а именно: связи человека со своими корнями, с великим историческим и культурным наследием нашей Родины, наконец, с окружающими его людьми. Мне бы очень хотелось, чтобы эта связь не утратила своего значения и качества для того поколения, которое будет жить в наступившем веке, чтобы понятия «гражданский долг», «любовь к Отечеству», «патриотизм» занимали почетное место в его системе ценностей.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ.....	3
ЮНОСТЬ. СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА ...	4
ИРАН	18
КЕРЧЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	23
СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА И ФОРСИРОВАНИЕ ДНЕПРА....	34
ПРИБАЛТИКА И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.....	46
АКАДЕМИЯ СВЯЗИ И ТУРКЕСТАН.....	55
РАКЕТНЫЕ ВОЙСКА	67
ВОЙСКА СВЯЗИ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ	83
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ	101
ГРУППА ГЕНЕРАЛЬНЫХ ИНСПЕКТОРОВ И УХОД В ОТСТАВКУ.....	115
ПОСЛЕСЛОВИЕ	126

А.И. Белов – слушатель
Академии связи им.
С.М. Будённого,
5 курс – 1940 год

Маршал – А.И. Белов

Академия связи. Работа над дипломным проектом -1939 г.

Генерал-майор
Белов А.И.
1957 г.

Выступление
на партактиве.
Октябрь 1996 г.

Газета «Известия» от 14 июля 1944 г.
с публикацией Приказа Верховного
главнокомандующего

Вручение награды

Публикация о Н Кошелёвой – будущей супруге А.И.Белова.
Журнал «Связь в Красной Армии», сентябрь 1943 г.

Куба. А.И.Белов и министр обороны
Рауль Кастро. Декабрь 1985 г.

В кабинете

г. Рига. 1945 г.

На отдыхе. 1957 г.

А.И. Белов и Генеральный директор
«КОМЕТ Telecommunications» О.И. Фаерберг

Маршал войск связи Белов Андрей Иванович родился в 1917 году в городе Пскове. В рядах Вооружённых Сил с 1938 года. Участник советско-финляндской войны. В ходе Великой Отечественной войны воевал в Крыму, под Сталинградом, в Прибалтике в составе войск 1-го Украинского, 3-го Белорусского, 2-го Прибалтийского фронтов. Прошёл боевой путь от лейтенанта до подполковника — начальника связи механизированного корпуса. Участник боевых действий в войне с Японией в составе войск 1-го Дальневосточного фронта.

В послевоенные годы преподавал в Военной академии связи, служил начальником войск связи Туркестанского военного округа. С 1960 года — начальник войск связи Ракетных войск стратегического назначения, зародившегося нового вида Вооружённых Сил. С 1970 года возглавлял войска связи Министерства обороны, а с 1977 года был начальником связи — заместителем начальника Генерального штаба Вооружённых Сил СССР.

Автор книги наряду с жизненными фактами много внимания уделяет вопросам военной связи и автоматизации управления Вооружёнными Силами. Всем этим он делится с читателями в своей книге воспоминаний.